

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** МНЕНИЕ
Галина СЛЕСАРЕВА
*На дворе сентябрь.
С праздником!*
- 6** ФОТОЗАРИСОВКА
Юлия КАЛИНИНА
Все по-настоящему
- 8** КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ
Альбина ГУМЕРОВА
*Закрытая мастерская
художника*
- 12** СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
Эндже БАСИРОВА
«Не дадим Татарстан в обиду»
- 16** КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Алина МИННЕВАЛИЕВА
*«Занимаясь проектным
творчеством, начинаешь
мыслить иначе»
Татарстанские школьники в
«СИРИУСЕ»*
- 18** СВОИМИ ГЛАЗАМИ
Камилла ЛАТЫПОВА
Живые птицы против железных
- 20** МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Алина ПАНАЕВА
*«А он играл, отдавшись
волшебству, стремительны
движения смычка...»*
- 22** МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Елена ХАДЕЕВА
*Шелковый путь Казанской
консерватории*
- 26** ПОЭЗИЯ
Валентина НАСРТДИНОВА
- 28** ПРО ЧТЕНИЕ
Фарид ХАЙРУЛЛИН
*О книге «Владимир Высоцкий в
Казани»*

- 29** ПРОЗА
Ольга БАКУЛИНА
*Бенамуки, или идеальный
мужчина*
- 38** ПОЭЗИЯ
Нина МОРОЗОВА
- 39** ДЕБЮТ
Лейсан ФАЗУЛЛИНА
- 40** БАЛ-ОМУТ
Алексей СЕРМЯГИН
Службное жильё
- 42** ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ
Альбина АБСАЛЯМОВА
*На пути к мечте
Результаты творческого
конкурса среди осужденных РТ*
- 46** DIXI
Галина СЛЕСАРЕВА
Бродячий доцент
- 48** ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ
Ради́ф ГАТАШ

- 50** ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ
Рузаль МУХАМЕТШИН
Прыгун
- 56** ПОРТРЕТ ЭПОХИ
Марат САФАРОВ
*Мунира Булатова. Музыкальные
истории на фоне портрета*
- 60** ПОРТРЕТ ЭПОХИ
Лирон ХАМИДУЛЛИН
*Отрывки сведений о
древнетюркском мире*
- 66** КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
Алина ИВАНОВА
*Беседа с Рамилем Гали:
Философия фотографии.
Роль в истории*
- 70** СПОРТФОЛИО
Рустам ИМАМОВ
Максим ЧЕГРИНЦЕВ:
*«Америка – страна
возможностей и приключений»*
- 76** НОВАЯ ВОЛНА
Марат ШАКИРЗЯНОВ
*«Кудесница немеркнущих
побед, послушница неуловимых
граций»*

Альбина Абсаламова

КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

Шел дождь, и папа накинул на меня свою куртку.

...У меня в руках гладиолусы. Два банта и косички-баранки. Портфель с Чучелом-Мяучелом. Деревянный пенал с выдвигающейся крышкой. На белом фартуке пока еще нет октябрятской звездочки, она появится позже, месяца через два, когда мы вызубрим заповеди юных ленинцев, напечатанные на задней обложке тетрадки по математике, и бодро зачитаем их в Ленинском мемориале.

Математика, русский, чтение. Больше вначале и нет ничего, только это — «один, два, три», корявые закорючки в прописях, «ку-ку» и «кто там?» в Букваре. Первые оценки — сперва не пятерки, а красные печатки-звездочки, которые учительница Светлана Федоровна ставит в тетрадки особо старательных учеников. Получить звездочку невероятно приятно. И очень почетно. Это как первый орден или хотя бы медаль.

Первая школьная осень. Зарождается дружба — с кем-то мимолетная, с кем-то на всю жизнь, в горе и в радость. Всякая любовь будет потом, а пока лишь она, крепкая и не очень — девчоночья дружба, классики во дворе. Сначала — в квадратик посередине, затем — в верхний левый угол, затем — в верхний правый. Маринка, Катька, Гузелька, Алеся. Сколько всего нас ждет впереди, сколько запомнится, а сколько забудется навсегда!...

Потом появляется урок физкультуры, «построились по росту!» и «по порядку расчитаться!». У нас замечательный учитель, на школьных праздниках он поет под гитару про «солнышко лесное», а тех, кто особенно неуклюже выполняет акробатические этюды, называет смешным татарским словом «куян». Когда уроки в зале, я люблю смотреть в окно: там, на улице Айвазовского, стоят покосившиеся дома. Я даже сочиняю про них стихи, вот такие: «стоял трухлявый старый дом / в труху все превратилось в нем / спилить хотели на дрова / но в разговор вмешалась я...», и так далее, еще три строфы...

После уроков можно остаться в «продленке». Меня всегда есть кому встретить, да и до дома идти два шага, но иногда я все равно оказываюсь в

продленке — там интересно. Полдник — булочка с изюмом и компот из сухофруктов, прогулки в саду при музее Ленина, по четвергам — походы в кино в Дом Ученых, на «Бесконечную историю» или «Ронни — дочь разбойника». Еще в продленке можно коллективно делать уроки. А можно не делать и наблюдать за хомяком. Вот только просовывать пальцы сквозь прутья клетки не надо: хомяк кусается, и очень больно. Ноготь на покусанном пальце надолго становится черным.

На переменах мы играем в «стенки». Это когда «кто придумал, тот и вода», и «вода» стоит в центре школьного коридора, а все остальные игроки расплываются вдоль стен. Задача играющих — ловко перебежать на противоположную сторону, не дав «воде» поймать себя. Играть весело, но иногда — чересчур шумно. Завуч из кабинета напротив частенько делает замечания.

Над доской в классе развешаны буквы, маленькие и заглавные. Алфавит нужно выучить наизусть, а я все никак не могу запомнить последовательность букв, идущих после «ф». Хцш? Хцщ? Хчц? ...Шпаргалка над доской не раз становится спасательным кругом. Рядом с буквами, слева, над учительским столом, висит плакат. На нем изображена девочка, которая правильно сидит за партой. И правильно держит ручку. Я до сих пор сижу скобочившись. И ручку держу неправильно. Если уже вообще не забыла, каково это — ее держать.

... Вечер накануне первого сентября, я собираю в школу дочек. Пересматриваю альбом со своими школьными фотографиями, их совсем мало, ведь ни «цифры», ни даже «мыльниц» тогда еще не было. Впрочем, мне и альбом никакой не нужен, я и так никогда не забуду их — первую учительницу и учителя физкультуры, который, увы, уже никогда не споет нам про «Солнышко», своих подружек Алеся и Маринку, Гузельку и Катьку. И опять, в ночь на первое сентября, мне приснится, что я снова «поступаю в первый класс». Потому что все остальное — «do you speak English», мальчик с третьей парты, концерты, стихи со сцены, крестоносцы, котангенсы — все это случилось потом. А тогда...

Тогда шел дождь, и папа накинул на меня свою куртку. ■

- > МНЕНИЕ
- > ФОТОЗАРИСОВКА
- > КАРТИНКИ С ВЫСТАВКИ
- > СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ
- > КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
- > СВОИМИ ГЛАЗАМИ
- > МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА

► Галина Слесарева

НА ДВОРЕ СЕНТЯБРЬ. С ПРАЗДНИКОМ!

Начало учебного года – это, несмотря ни на что, праздник, потому что погружение в мир знаний, накопленных цивилизацией, необходимо каждому нормальному человеку.

И все-таки праздничности на душе нет, а в мыслях и того хуже... Наступивший учебный год вряд ли будет отличаться от десятка предыдущих. В СМИ уже прошла информация, что самих учителей-предметников ожидает ЕГЭ по предмету, который они преподают. А это значит не что иное, как сомнение в их компетенции. Парадокс! Нет, конечно, активизировать свои знания всем полезно. Но ведь выполнить задания в тестах ЕГЭ и убедиться, что это ты можешь, – значит опуститься до уровня ученика, чем и успокоиться. Необходимо, мне кажется, все же обладать каким-то большим запасом знаний, чтобы быть настоящим Учителем.

Мне не дает покоя мысль, возникшая не случайно, а базирующаяся

на 46-летнем опыте преподавания и в школе, и в вузе, и на курсах повышения квалификации учителей, и на подготовительных курсах для будущих абитуриентов. А мысль моя о том, что среди преподающих русский язык (они мне ближе всех, так как я сама преподаю именно этот предмет), все меньше и меньше по-настоящему грамотных, не просто знающих, а именно владеющих языком, которым они не только сами пользуются, но и учат других.

Давайте подумаем, есть ли различие между «знать язык» и «владеть языком». Попробую убедить, что есть, и довольно существенное.

Итак, знать язык – это говорить на нем и писать, пусть даже с ошибками, употреблять слова в присутствии их значения, адекватно

формулировать мысли, если они, конечно, есть (но это уже о другом). Владеть же языком – это находиться на высоком уровне знания, а значит, говорить и писать без ошибок (хотя бы в пределах школьной программы, а она это в идеале предполагает), иметь большой запас слов (10-12 тысяч, можно и больше – у А.С. Пушкина 22 тысячи), знать их значение и употреблять к месту, знать все возможности языка, т.е. иметь представление о выразительных средствах и применять их к месту. Все это необходимо для пользователя, который не является специалистом в данной сфере. К специалистам же, т.е. к тем, у кого в дипломе о высшем образовании значится: «филолог, преподаватель русского языка и литературы», требования значительно выше. Получив базовые знания в школе в соответствии с программой, они пришли на филологический

факультет для приобретения уже специальных, которые должны поднять их на очень высокий уровень владения языком. Изучение исторической грамматики, фонетики современного русского языка, лексики, словообразования, синтаксиса, других славянских языков и русских говоров, латыни (нет лишних предметов в учебном плане подготовки лингвиста!) должно сформировать лингвистическое мышление и философское понимание языка – этого живого организма, живущего по своим законам, неизбежно меняющимся, потому что меняется мир вокруг и меняются говорящие на данном языке люди, и в то же время сохраняющим присущую ему специфику. Скажу чуть проще: настоящий филолог (лингвист) представляет язык как многоуровневую систему, а в системе (не в сумме!) все элементы взаимосвязаны внутренними законами развития и функционирования. Вот это и надо знать, понимать и чувствовать. Тогда ты настоящий специалист, а не «вульгарный» пользователь, хотя, может быть, и достаточно грамотный.

На практике все иначе. Среди первокурсников, будущих филологов, очень мало осознанно сделавших выбор. Так уж повелось с незапамятных времен, что на филфаке шли те, кто не «полюбил» математику, физику, химию и понимал, что не сможет учиться на «трудных» факультетах, тогда как на филфаке «уж книжечки-то можно почитать и нет никаких биномов, интегралов, катализаторов и синтезов». Вспоминаю свой курс. Из 50 человек (2 группы) только и наберется с десятков, кто пришел по зову ума и сердца: кто-то мечтал стать поэтом, кто-то писателем, критиком, сценаристом (они и стали), а некоторые видели себя

только школьным учителем (единицы!). В науку пошли трое. И это не потому, что у нас были плохие наставники. Нет, нам читали лекции яркие, увлеченные, во всех смыслах замечательные профессора, доценты и просто преподаватели... Далее начинается возведение

НО ВЕРНЕМСЯ В СЕГОДНЯШНЮЮ ШКОЛУ. ПЕРВЫЙ ТЕСТОВЫЙ ЭКЗАМЕН ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ СДАЮТ В 9 КЛАССЕ. ИЗУЧЕНИЕ ПРЕДМЕТА В СИСТЕМЕ ПОДМЕНЯЕТСЯ БЕССИСТЕМНЫМ НАТАСКИВАНИЕМ. КАКАЯ УЖ ТУТ ФИЛОСОФИЯ ЯЗЫКА? УЧИТЕЛЬ ПОДВЕРГАЕТСЯ ПРЕССИНГУ: НАДО ВСЕХ ТАЩИТЬ НА ВЫСОКИЙ БАЛЛ. В РЕЗУЛЬТАТЕ ДЕВЯТИКЛАССНИКИ СДАЮТ ВПОЛНЕ ПРИЕМЛЕМО ГИА, НО ГРАМОТНЫМИ ИХ НАЗВАТЬ ТРУДНО. В 11 КЛАССЕ КАРТИНА ТА ЖЕ. И ВОТ ПЕРЕД НАМИ ПЕРВОКУРСНИКИ, ДЕЛАЮЩИЕ В СВОИХ ПИСЬМЕННЫХ РАБОТАХ ПО 20 ОШИБОК, БУДТО И НЕ СДАВАЛИ ТОЛЬКО ЧТО НИКАКОГО ЕГЭ.

здания профессиональных компетенций без надежного фундамента. В итоге выходит дипломированный специалист, обладающий отдельными блоками информации, но они не связаны в систему. К работе в школе такой «спец» просто не готов, хотя методикой (важная составляющая) его тоже начинили. Но

этого мало. А еще каждый должен осознать ущербность своих знаний и захотеть восполнить пробелы, наверстать упущенное. На это совсем мало надежды... И превращается такой выпускник вуза в «плоского» учителя-предметника, часто оценивая свою судьбу как несостоявшуюся, работает в школе от безысходности и занимается репродукцией полуграмотных выпускников средней школы, почти успешно сдающих ЕГЭ.

При всем при этом не берусь отвергать необходимость ЕГЭ. Просто нельзя подменять настоящее изучение предмета, и языка в частности. А чтобы не происходило такой подмены, надо делать все возможное для превращения учителя-ремесленника, задавленного системой отчетности, в настоящего Учителя, в настоящего лингвиста.

Еще раз с праздником! ▀

► Юлия Калинина

Все по-настоящему...

фото Юлии Калининой

Что приходит в голову, когда вы слышите о современном рыцарском турнире? О ристалище и тех, кто выходит на него не в далеком средневековье, а здесь и сейчас? Кто из вас не думал об этих людях как о тех, кто бежит от реальной жизни? Нам бывает так заманчиво укрыться от проблем и вопросов «здесь и сейчас» в своих грезах и романтических бреднях, что есть искушение принять современных рыцарей за идеальный романтический уход в жизнь, где все «не по-настоящему».

Добро пожаловать на фестиваль «Великий Болгар». Фестиваль пота, боли и недолговечной славы. Где реальные деньги и каждодневный труд приводят на раскаленное от солнца ристалище, где, возможно, ты получишь травму, после которой уже не сможешь подняться – и все это за призрачную славу и на потеху толпе, которая не может даже уследить за твоими ударами. Где твоя дама: не та, что сидит в красивом платье на трибуне, а та, что орет на тебя из-за деревянного ограждения, та, которая несет тебе воду, когда кажется, что ты испекся, как картофель, в стальной коже лат.

Добро пожаловать в исторический лагерь, где никому не придет в голову считать калории, где спят на сене и готовят на живом огне. Здесь вместе уживаются русские и украинцы и граница между чехами и французами – это пара кустов.

Вам кажется, что вы приходите из реальной жизни поглазеть на романтическую сказку из натуральных тканей. Но в какой-то момент начинает казаться, что это на тебя глазеет реальная жизнь – другая и непонятная, где люди рискуют собой и умеют жертвовать комфортом, где вспоминаешь, какую ценность имеет обыкновенная вода, где понимаешь, насколько условны все границы и где тебя ценят только за то, что ты есть на самом деле. ■

Альбина Гумерова

ЗАКРЫТАЯ МАСТЕРСКАЯ ХУДОЖНИКА

Алиса Шаймарданова... Родилась в Казани, получила хорошее художественное образование – закончила художественное училище им. Николая Фешина и институт по специальности: дизайн среды, сейчас живёт в Латинской Америке. Свободно мыслящий художник, талантливый дизайнер. Человек, который открыто самовыражается: пишет картины, создает интерьеры. По сути, художник – это очень самобытный и самодостаточный мастер, по натуре отшельник, который созерцает и создает. А дизайнер – тот же художник, который общается с людьми, учитывает их желания, вкусы и помогает создавать места, где человек мог бы жить, отдыхать и быть в ладу с самим собой. Поэтому можно сказать, что в Алисе сочетаются два противоречивых творческих начала, две личности, две стихии.

ДОЛГИЙ ПУТЬ В МАСТЕРСКУЮ

С самого детства Алиса почувствовала в себе это желание – рисовать, именно на холсте высказываться, ибо она, по своей природе, художник-живописец. Но в художественную школу ее не пускала мама, так как не видела в том перспективы, к тому же обучение было платным. Но Алиса тайно сдала экзамены, и её приняли. Два месяца она посещала занятия, и, когда пришло время вносить деньги, Алиса вынуждена была принести маме чек...

С самого детства Алиса знала, что будет и дизайнером, и художником, но тогда слова «дизайнер» не было, эта профессия называлась «художник-оформитель». Из класса художественной школы многие не пошли по пути художника, и лишь Алиса выучилась до конца и осталась в профессии. Окончание художественной школы совпало с окончанием средней школы, после которой Алиса поступила в знаменитое казанское художественное училище им. Н.И. Фешина. И вновь мама была против, потому что считала, что без связей туда не возьмут. Но Алису взяли на курс к мастеру Геннадию Федоровичу Маркарову, которого сейчас уже нет в живых... Обучение в «фешинке» длилось четыре года, но Алиса получила диплом только через пять лет, потому что во время учебы вышла замуж и родила сына, уходила в академический отпуск.

Началась взрослая жизнь. Непростой, но важный путь, трудности, которые выпадают на долю художника и которые формируют его не только как личность, но и как мастера. Время зрелой молодости, когда вместе с жизненным опытом вырабатывается свой стиль, свой неповторимый почерк...

...После получения диплома Алиса устроилась на завод «Элекон», где смогла проработать лишь месяц. График на заводе совершенно не подходил для творческого человека: в семь утра зашел, в четыре вышел... Алиса ушла с завода и устроилась в художественный фонд РТ дизайнером наружной рекламы и работала там несколько лет. Алиса-живописец тогда еще не была раскрыта, картины в тот период жизни не писала, перед ней стояли иные задачи: ей в одиночку необходимо было вырастить и выучить сына, поэтому Алиса сосредоточилась на том, чтобы зарабатывать. И она, оставаясь художником по натуре, питается жизнью, чтобы в будущем раскрыться как живописец!

Некоторое время в начале двухтысячных годов Алиса проработала в качестве дизайнера в компании, которая владела большой сетью салонов игровых автоматов в Татарстане. Люди часто спрашивали, не мучает ли ее совесть за то, что она имеет отношение к одному из человеческих пороков. Ведь там азарт, игроманию сложно вылечить... Но ведь люди по доброй воле отдают последние деньги в надежде сорвать куш. Нежелание работать, получить все и сразу... Одним словом, человек сам делает выбор, всегда. А Алиса просто выполняла свою работу и за период работы в этой компании создала десятки различных дизайн проектов, которые были воплощены.

Когда вышел закон о закрытии игровых залов, Алиса прекратила работу в этой сфере и ушла в самостоятельное плавание уже как дизайнер интерьеров. И в это период Алиса получала свой неповторимый опыт, создавая интерьеры для людей. Много ездила на объекты и следила за выполнением работ, ведь

хороший дизайнер реализует свой замысел от начала до конца.

Как живописец Алиса Шаймарданова раскрылась, лишь когда встретила любимого мужчину. Картины стала писать только в Венесуэле, куда переехала после замужества. Сын окончил школу, стал студентом, потому Алиса уехала в свое собственное счастье со спокойной совестью, полностью исполнив материнский долг.

С Маратом, своим нынешним мужем, Алиса познакомилась... странным, даже курьезным образом: лежала в больнице, где соседкой по палате была сестра Марата. Сестра спросила разрешения дать номер телефона Алисы своему брату, и Алиса согласилась, решив, что, возможно, он обратится к ней как к дизайнеру. Но Марат позвонил только через два года, и после этого их отношения развивались стремительно: они встретились и уже через полгода сыграли свадьбу, через месяц переехали жить в Венесуэлу.

«Я бы никогда не поехала туда, если бы не замужество. Венесуэла – прекрасная страна, которая сейчас переживает непростые времена», – признается Алиса. Переезд в другую страну оказался для нее достаточно сложным испытанием, ведь в Казани она привыкла к другому ритму жизни: общение с людьми, поездка на объекты, встречи с друзьями, а в

Венесуэле вынуждена находиться преимущественно дома из соображений личной безопасности.

Венесуэла – страна с самыми высокими запасами нефти в мире. Еще десять лет назад она, считавшаяся одной из самых успешно развивающихся экономик Латинской Америки, в данное время переживает нелегкие времена. В штате Сулия (здесь Алиса с Маратом живут и работают в настоящее время), расположенном по обе стороны от гигантского озера Маракайбо, история добычи нефти насчитывает уже более ста лет, и в современной жизни штата отражаются все проблемы современной Венесуэлы: низкие зарплаты, нехватка основных продуктов питания для большинства населения, высокая детская смертность и отсутствие медикаментов, значительный уровень преступности... При этом стоимость бензина – самая низкая в мире: заправка целого бака горючим стоит дешевле стаканчика традиционного венесуэльского кофе...

Несмотря на эти сложности, венесуэльцы не унывают и могут целыми днями распевать веселые песни, наслаждаться солнцем...

Поэтому в Венесуэле просторный дом Алисы и Марата стал... не тюрьмой, но мастерской живописца.

Алиса, которая всегда была художником по натуре, наконец, взяла в руки кисть... точнее, мастихин, и стала писать картины. Вдохновение Алиса черпает из поездок, которые они с мужем совершают как по Венесуэле, так и за ее пределами. Замечательные пляжи острова Маргарита, высокие горные хребты в штате Мерида, прекрасные водопады штата Трухильо, национальные парки штата Баринас (это все в Венесуэле), а также поездки по Колумбии, Перу, Эквадору, Панаме – впечатления от этих поездок Алиса старается перенести на холст. Во времена студенчества Алиса писала маслом, но теперь перешла на акрил и использует в работе мастихин, вырабатывая свой неповторимый стиль: картины выходят более мозаичными и более объемными и воздушными (акрил как материал легче масла).

ВЫСТАВКА ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЛИСЫ В 2018 ГОДУ

Таким образом, попав из Казани, где можно спокойно прогуляться по вечерней набережной, в страну, где выход на улицу сопряжен с опасностью быть ограбленным, Алиса начала размышлять над сложной, прекрасной и временами опасной страной, которая стала для нее своеобразной

мастерской. Первая тема, которую Алиса как живописец затронула в Венесуэле, – нефтяники. Они с мужем ездили по нефтяным объектам, буровым бригадам, общались с рабочими и делали фотографии, наблюдали, как они работают. Цикл картин «Нефтяники» войдет в число прочих сорока картин, которые Алиса Шаймарданова планирует написать к своей персональной выставке 2018 года. Пройдет она в Казани. За время, прожитое в Венесуэле, Алиса уже написала цикл портретов коллег Марата, их детей и венесуэльцев, с которыми познакомилась и подружилась за это время. Эти картины были подарены им.

...Венесуэла – страна контрастов. Там люди совсем другие, несмотря на нищету, поют веселые песни, радуются жизни, и кажется, что все уже привыкли к грабегам и выработали защитные механизмы. Бывает, случается неприятность, но, кажется, к этому уже относятся так, как будто колесо спустило... Уже, кажется, никто не возмущается, не борется, все приняли ситуацию. И солнце, конечно, делает свое дело – не дает впасть в депрессию. Окончательно озлобиться, благодаря его теплу и свету, невозможно ни богатым, ни бедным.

Вторая тема Алисы Шаймардановой – «Портреты венесуэльцев».

Мост Маракайбо

Солнечный человек

Девочка

Тропический цветок

Бабушка из Мериды

Однажды они с мужем поехали в соседний штат Мерида, который расположен в горной местности, в некоторых местах временами даже выпадает снег, и, видимо, поэтому менталитет местных жителей несколько отличается от «сулианцев» (населения, проживающего в штате Сулия). Народ там более работающий и надеющийся больше на собственные силы; обстановка в городах более спокойная и достаточно безопасная даже для самостоятельных прогулок. В этих местах Алису-художника заинтересовали сами люди. Алиса сфотографировала пожилую женщину. Если у нас понятие «пожилой» – это старушка, то там – женщина! Ухоженные волосы, красивое платье. На лице – мудрость и спокойствие. На портрете Алиса сумела показать ее характер. В 2016 году ее написала, и ровно через год они снова поехали в Мериду, нашли эту женщину, которая очень изменилась за год, похудела...

Каждый человек – это неповторимая судьба. Какое счастье для художника – глядеть в лица и писать эти лица! Размышлять о человеке, о его жизни, предполагать что-то... Когда уже негде ставить мазок, Алиса понимает, что картина закончена. Можно сказать, что картина и

Алиса пишут друг друга. Картина учит поиску и мысль рождает. Иногда у Алисы ощущение, что краски смешиваются сами, будто это уже и не она пишет, а кто-то водит ее рукой. Порой картина отличается от первоначальной задумки, и это радует Алису еще больше.

Третья тема предстоящей выставки – это «флора и фауна». В Венесуэле потрясающие, необыкновенной красоты растения... И, конечно, море – отдельная стихия, которая так и просится на холст. Море так же будет представлено циклом картин на выставке в 2018 году.

...И самое интересное, волнующее: Алиса чувствует, что живет на пороге глобальных, грандиозных перемен в Венесуэле, что должны произойти события, которые изменят жизнь венесуэльцев к лучшему. Ситуация должна скоро поменяться. Как уловить характер страны и отразить его в работах? Алиса Шаймарданова хочет запечатлеть в живописи яркую солнечную жизнь этой непростой страны: водопады самые высокие в мире, самые длинные в мире канатные дороги – там столько прекрасных мест! Если бы люди могли все это видеть!.. Но из-за общей сложной ситуации в стране практически

прекратился туризм, и сейчас эти объекты в запустении. Алиса находится на пороге великого исторического события, которое изменит эту страну и людей – людей, которые перестанут мусорить и начнут ценить красивую, неповторимую природу, их окружающую. Всегда солнечно и ясно... Дай бог, чтобы и в душах людей было так же.

В чем катарсис художника? Пожалуй, в том, что он смог поймать характер, внутреннее состояние. Это касается и людей, и цветов... «Надеюсь, мне удастся ухватить и настроение страны, и это щекочущее ощущение грядущих глобальных перемен. Такому сверхзадачу ставлю перед собой», – признается Алиса.

Что еще интересно: в Венесуэле много художников. Если классическая русская художественная школа учит смешивать цвета, ловить тень, свет, рефлекс, то венесуэльские живописцы работают чистыми цветами: синий, красный. От этого картины яркие, насыщенные, но в них есть свой шарм, у тамошних мастеров свой почерк.

«Спасибо судьбе, что она дала шанс реализовать себя, видеть мир во всем его многообразии и отражать это в моих картинах». ■

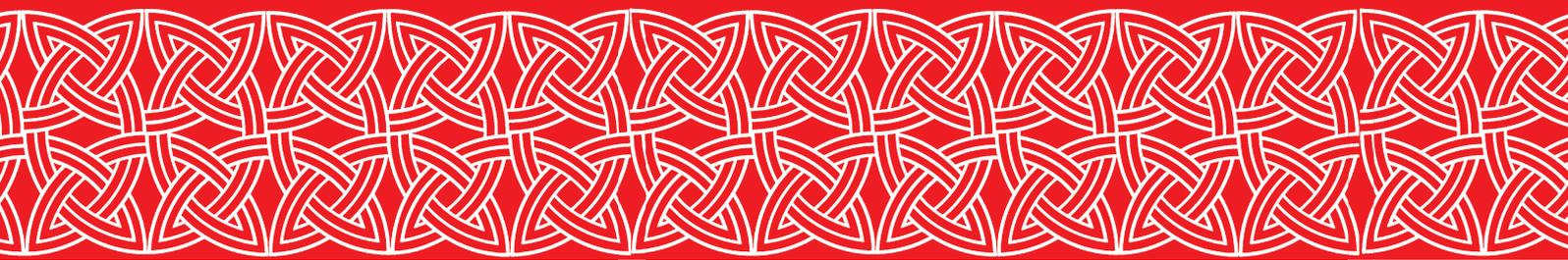

► Эндже Басирова

«НЕ ДАДИМ ТАТАРСТАН В ОБИДУ»

Как говорят грузины, где нет любви, там нет и счастья. Двадцать лет назад Нугзар Цхондия и Нана Белкания переехали из Грузии в Казань. В их семье царят любовь и согласие. Для них любовь не просто чувство, возникающее между мужчиной и женщиной, но и уважение к родной земле, языку, людям...

С первого взгляда Нугзар эфэнди поражает интеллигентностью, уважением к женщине. Невозможно не восхититься красотой и обаянием Нана ханум. От неё веет жизненной энергией, любовью к окружающему миру. Может, поэтому о своей семье больше рассказывала она. Они переехали в Казань по приглашению родственников, которые уже жили и учились здесь (в то время шла война между Абхазией и Грузией), и приехали к нам, как они думали, временно. Было намерение уехать обратно, когда на родине станет спокойнее. Однако семья до сих пор живет в столице Татарстана. «Я плакала ночами напролет: живем с родственниками, толком не знаем русского, – поделилась своими воспоминаниями Нана ханум. – На протяжении пяти лет переезжали из одной квартиры в другую. Спасибо здешним грузинам, они нам помогли в трудные минуты».

...Трудности уже давно остались позади: семья получила российское гражданство, решились вопросы жилья и работы. Нана ханум работает в воскресной школе «Дома дружбы» учителем грузинского языка, ее муж – бизнесмен. Дочь Нино и сын Георги окончили Российскую академию правосудия. Получив диплом, Нино переехала в Тбилиси, а Георги остался работать в Казани. Родители

поддержали Нино в её решении вернуться в родные края, потому что там легче встретить любимого мужчину, чтобы в дальнейшем создать с ним семью. Ведь для грузин семейные ценности превыше всего.

Нана ханум из многодетной семьи, их было пять сестер. Она с любовью рассказывает о своем отце Резо, которого уже нет в живых, и матери Светлане. «У грузин самый дорогой человек – это мама, – говорит Нана ханум. – Слава богу, наша мама живет в достатке в Цаленджихаде, очень теплые отношения с дочерьми, моими сестрами, и их детьми. Моя дочь Нино тоже любит свою бабушку: помогает материально, следит, чтобы мы всегда были на связи. Все родственники Нана ханум живут в Грузии, и все они, включая её, высококвалифицированные педагоги, окончившие Сухумский педагогический университет.

Не зря говорят, умная девушка – это невеста с приданым. Отец Нана ханум Резо был образованным, уважаемым человеком, долгие годы работал председателем колхоза и всегда мечтал, чтобы его дочери получили высшее образование. «Отец любил каждую из нас. Когда мы выросли и нужно было выходить замуж, папа от всей души желал: «Пусть найдется такой человек, который будет уважать моих дочерей, а в других вопросах я сам каждой из них помогу». Слава богу, мы все живем в достатке».

Со своим будущим мужем Нана ханум познакомилась на свадьбе друзей. Хотя они и учились в одной школе, но до этого не были знакомы друг с другом. После десятого класса Нугзар уехал в Тбилиси учиться на психолога, там же устроился на работу. В родном районе появлялся редко и однажды приехал на свадьбу

Фото из архива героев публикации

друга, невестой которого была подруга Наны. Нугзар влюбился в нее с первого взгляда. Через некоторое время Нугзар вместе с родителями приходит просить руки Наны.

По словам Нана ханум, в грузинской семье женщина – это ангел, а мужчина – глава семьи и добытчик. «У нас, если женщина хочет, может и не работать, мужчина будет обеспечивать семью, женщина, в первую очередь, – мать и жена, а социальная реализация по желанию».

Счастье женщины зависит от любимого мужчины. Если он рядом, уважает, заботится, любит, то и жизнь в радость, и даже ежедневные заботы не тяготят. «В этом плане я очень счастливая. Мой муж не ругается, не повышает голос, сам ходит на рынок, я только пишу список покупок. Я люблю готовить разные вкусности, особенно удаются мне грузинские блюда. Все силы мои уходят на сохранение нашей семьи. И детей мы вырастили в любви».

Нана ханум не скрывает, что Нугзар намного старше ее, но это лишь дополнительное приятное чувство, чувство абсолютной защищенности, отеческой заботы. Нана ханум рассказывает, что у грузин девочку воспитывают как будущую мать, которая, в свою очередь, передаст детям национальные традиции своего народа, привьет уважение к родным, к старшим.

– Правда, после войны жизнь в Грузии стала более тяжелой, и женщины не ограничиваются только лишь ролью матери и хозяйки дома. Но в каких бы условиях мы ни жили, человек силен миром и согласием, как птица сильна крыльями. А когда есть любящие сердца, не страшны и трудности. Наши дети учились в пятой гимназии, мы очень беспокоились:

не будут ли их обижать, дразнить из-за незнания русского языка. Мы очень благодарны учителям за то, что обучили наших детей. И сын, и дочь окончили школу, знают теперь не только свой родной язык, а и русский, понимают татарский. Я считаю, что стыдно не знать татарский, прожив в Татарстане более двадцати лет. В будущем, если даже мы вернемся в Грузию, до последнего вздоха буду благодарить Татарстан, который стал нам домом. Здесь мои дети выросли, получили профессию, стали людьми.

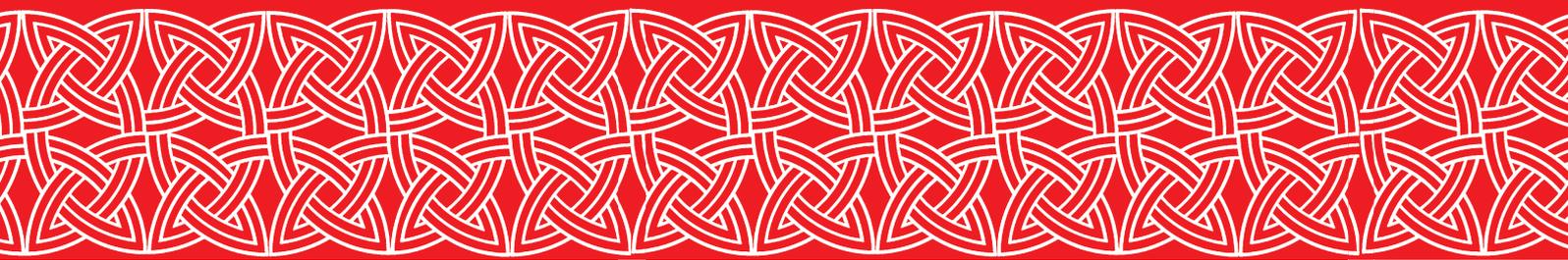
Восхищает ещё и тот факт, что эта грузинская семья, живя в чужой стране, не только обеспечила образование детям, но и нашла разные способы раскрыть их таланты: водили детей в спортивные секции, на танцы и иностранные языки, посещали концерты и театры. На одном из таких культурных вечеров они познакомилась с руководителем национально-культурной автономии грузин в Казани «СИО-МИ» Маринэ Хухунашвили. Узнав, что Нана ханум работает учителем, Маринэ пригласила ее в Воскресную школу. Со временем и дети потянулись к дому «Дружбы». Здесь

они осваивают национальные танцы, традиции, приобщаются к общественной жизни.

– Наш сын очень красиво танцует, рассказывает стихи на русском, грузинском и на татарском. В начале двухтысячных мы зарегистрировали свой адрес и собрали документы, а Москва все тянула с решением. К тому же вышел конфликт с Грузией, и всех

начали проверять. Когда мы с детьми возвращались домой от родственников, нас остановили правоохранительные органы, а справки о том, что мы отправили документы в Москву, у меня с собой не было. «Давайте, зайдём домой, и я вам покажу справку», – сказала я в страхе. Дома, когда искала справку, я уронила альбом, и все фотографии разлетелись по полу. Там были фотографии нашего с сыном с Минтимером Шаймиевым, Фаридом Мухамметшиным и другими. Правоохранительные органы, увидев эти фото, пожелали нам успехов и ушли.

Много воды утекло с тех пор... Семья теперь не представляет своей жизни без дома «Дружбы». Нана ханум не ограничивается обучением детей грузинскому языку, но и

рассказывает о традициях, праздниках, устраивает различные тематические концерты. Видимо, таким образом она гонит тоску по родине.

– Чем старше становишься, тем сильнее тянешься к родине. Однажды я заболела и пошла к доктору. А он говорит: «Я не пропишу вам ни одного лекарства. Вам нужно поехать в Грузию и отдохнуть». И правда, я там вдохновляюсь, молодею, набираюсь сил. Наш высокотехнологичный век сокращает расстояния, наша дочь отправляет нам все, что нужно. Когда отмечали Новый год, я попросила у Нино мяч с поздравлениями, флаг и чичинику (дерево, которые ставят грузины на Новый год и Рождество), я хотела показать детям, что же это такое. В конце мая мы праздновали

день независимости Грузии, и самая младшая ученица выучила стих про мою родину. Грузия – страна маленькая. А в стихотворении говорится, что, когда люди покидали Грузию, они брали с собой горстку земли, и поэтому наше государство стало таким маленьким. Когда та девочка рассказывала стихотворение с горсткой земли в ладошке, я плакала навзрыд. Воспитание в детях патриотизма – одна из моих основных задач. Как человек не может жить без воды, воздуха, солнца, так и ослабевает без традиций, языка и религии.

Дерево сильно корнями, а человек силен чистой душой. Сердце Нана ханум огромно: в нем живет любовь к семье, родным, к Грузии и Татарстану, ко всему человечеству. ■

► Алина Минневалиева,
Медиа Лаборатория
Университета Талантов

«ЗАНИМАЯСЬ ПРОЕКТНЫМ ТВОРЧЕСТВОМ, НАЧИНАЕШЬ МЫСЛИТЬ ИНАЧЕ». Татарстанские школьники в «СИРИУСЕ»

Проектное творчество – один из самых масштабных трендов современной системы образования. Именно в работе с проектом лучше всего развиваются надпредметные «прорывные» компетенции (soft skills). Благодаря проектному творчеству, у школьников есть больше возможностей для инновационной работы. По словам самих молодых людей, проектная деятельность позволяет выйти за рамки школьных предметов и реализовать полученные знания на практике. Благодаря проектной работе, ученики начинают мыслить шире и стараются найти нестандартное решение кейсов.

Для молодежи, занимающейся проектной деятельностью в Татарстане, Университет Талантов предоставляет открытые площадки проектного творчества. Например, это такие проектные олимпиады, как «Генеральный

конструктор» – для заинтересованных в инженерно-конструкторском деле и «Предпринимательские игры» – для тех, кто обладает компетенцией предприимчивости.

С 1-го по 24 июля в образовательном центре «Сириус» в Сочи

(партнер Университета Талантов) прошла проектная образовательная программа «Большие вызовы», на которой школьников от 10 до 17 лет со всей России обучают более 100 лучших преподавателей и тренеров. Образовательная

программа центра рассчитана на 24 дня, в течение которых школьники занимаются по своим проектным направлениям и посещают мастер-классы.

Участниками июльской программы стали 26 ребят из Татарстана, прошедшие республиканский этап всероссийского конкурса проектных и исследовательских работ школьников.

ДИЛЯРА ГАБДУЛХАКОВА, одна из участниц смены направления «Освоение мирового океана» из Татарстана, рассказала о своем проекте, атмосфере лагеря и любви к проектному творчеству:

В «СИРИУСЕ» ВЕСЬ ДЕНЬ РАСПИСАН: УТРОМ МЫ УЕЗЖАЛИ НА УЧЕБУ В НАУЧНЫЙ ПАРК, ОТКУДА ВОЗВРАЩАЛИСЬ ТОЛЬКО В 9 ВЕЧЕРА. Я ПОЛУЧИЛА ТАМ НОВЫЙ ОПЫТ И ЗНАНИЯ, ВЕДЬ НАМ ПРЕПОДАВАЛИ КАНДИДАТЫ НАУК ИЗ ВЕДУЩИХ РОССИЙСКИХ ВУЗОВ. МЫ УЧИЛИСЬ РАБОТАТЬ В КОМАНДЕ – ПРИ РАБОТЕ НАД ПРОЕКТОМ МЫ ДЕЛИЛИСЬ ДРУГ С ДРУГОМ СВОИМ ОПЫТОМ, УЧИЛИСЬ ВЗАИМОДЕЙСТВОВАТЬ. КРОМЕ ТОГО, МЫ ПОЛУЧИЛИ НАВЫКИ РАБОТЫ НАД СЕРЬЕЗНЫМ ПРОЕКТОМ, КОТОРЫЙ МОЖНО БУДЕТ ВОПЛОТИТЬ В ЖИЗНЬ.

– Для меня проектное творчество интересно тем, что ты начинаешь мыслить иначе, пытаешься найти выход в заданных условиях. Сперва я занималась исследовательской деятельностью и только потом узнала о существовании проектной деятельности. Думаю, она важна и для меня, и для моих сверстников, ведь новые технологии и

разработки появляются благодаря проектам таких же молодых людей, как мы.

Проект, который я делала в Татарстане вместе с моей одноклассницей **АЛИНОЙ ГИЗЗАТУЛЛИНОЙ**, назывался «Портативный генератор воды». На Земле становится все меньше водных ресурсов, подходящих для человека. Заводы и фабрики выбрасывают отходы в воду, она загрязняется и становится непригодной для питья. Мы хотим решить эту проблему. Портативный генератор – это прибор, конденсирующий влагу в бутылку. Его прикрепляют к горлышку. Генератор

можно использовать в походных условиях, когда нет возможности добыть воду иным способом. В конструкции прибора использован элемент Пельтье, состоящий из двух соединенных между собой керамических пластин. При подаче напряжения между ними возникает разность температур: одна пластина сильно нагревается, другая

охлаждается. С их помощью мы смогли провести конденсацию воды из влажного воздуха.

Проект, над которым мы работали в «Сириусе», называется «Выращивание рыб в индустриальных условиях». Для исследования мы взяли два вида рыб – осетровые и африканские тилапии. В рамках проекта мы изучали, какая кормовая база лучше подойдет для их роста, и работали с приборами, измеряющими химический состав воды и вес рыб.

После участия в июльской образовательной программы в Сириусе талантливые школьники Татарстана получили возможность вне конкурсного отбора стать участниками Летней молодежной школы «Открытие талантов», которая прошла в Казани с 18 по 23 августа. ■

► Камилла Латыпова,
Университет Талантов

ЖИВЫЕ ПТИЦЫ ПРОТИВ ЖЕЛЕЗНЫХ

Это вовсе не сюжет компьютерной игры. Это реальность любого аэропорта. Только его работникам и пилотам хорошо известно, какую угрозу могут представлять птицы самолётам. В триллерах эти факты показаны с такой достоверностью, что при просмотре фильмов волосы на голове начинают шевелиться, как, впрочем, и задумывали режиссёры. Но, отправляясь в воздушное путешествие, пассажиры даже не предполагают, какую опасность могут нести птицы. А всё потому, что в современных аэропортах разработаны целые методики предотвращения ЧП, связанных с пернатыми.

– Птицы – это угроза для авиации, – рассказывает Ринат Шакиров, директор ООО «Аэропорт Бугульма». – Она может возникнуть в любое время и совершенно неожиданно. Много лет назад гусь на высоте 5 400 метров ударился о стекло со стороны второго пилота. Были случаи и с совами. Если в приаэропортовой зоне есть свалки, высокая трава, много деревьев, для птиц это лучшее место. И наша задача максимально уменьшить вероятность их появления на лётной полосе и

в воздушной зоне при сохранении численности птиц.

Для учёных Казанского федерального университета такая постановка вопроса наиболее оптимальная. Это как раз тот случай, когда волки сыты и овцы целы. Современные подходы позволяют сохранить жизнь всем: и людям, и птицам.

– Современность требует ликвидации любых рисков, связанных с безопасностью людей, – говорит Ильгизар Рахимов, заведующий кафедрой биоэкологии, гигиены

и общественного здоровья КФУ. – Наша задача – оценить связанную с эксплуатацией аэропорта «Бугульма» опасность, исходящую от птиц. Практически все крупные аэропорты страны провели подобные исследования. Здесь такие исследования – впервые. У нас есть подобный опыт на базе аэропорта «Казань».

Первый этап прошёл в начале лета. Учёные в течение трёх дней от рассвета до заката кропотливо исследовали каждый метр приаэропортовой зоны. Собрали много материала об орнитологической обстановке. Ещё предстоит изучить поведение и количество птиц в период осенних и весенних миграций, а также оценить зимнюю ситуацию.

– Работали не только днём, но и в сумерках. Нас интересовали и взлётно-посадочная полоса, и окрестности аэропорта. Проводили учёт суточной активности птиц, – отмечает Ильгизар Рахимов. – Когда приходили в гостиницу, сразу засыпали от усталости. Теперь же, помимо полевых исследований, требуется огромная работа с картографическим материалом, обзор литературы, знакомство и контакты с аналогичными группами и многое другое.

– Учёные даже жучков собирали на полосе, потому что определённое покрытие привлекает разных насекомых, а они, в свою очередь, – птиц, – добавляет Владимир Кондаков, начальник аэродромной службы.

На нагретой за день взлётно-посадочной полосе по утрам собирается много насекомых. Есть те, кто прилетел ночью на свет белых фонарей. Это хороший завтрак для крылатых. И такое простое решение, как замена белых огней на

оранжевые, несведущему человеку может показаться ненужным действием. А именно это помогает снизить количество насекомых.

Аэропорт «Бугульма» стал домом для 50 видов птиц. Полюбился он семейству врановых, скворцам, деревенским ласточкам, коршунам, полевым жаворонкам, чёрным стригам. Есть даже птицы из «Красной книги»: полевой лунь и орёл-могильник. Но не все из них несут угрозу безопасности полётов.

Есть мнение, что одной из причин роста разнообразия пернатых на территории аэропорта стала реализация программы парков и скверов Республики Татарстан. Встревоженные строительными работами, людьми и машинами, птицы перебираются подальше от города.

– Аэропорт как заповедник для них. Здесь высокий травяной покров, много деревьев, нет охотников, тишина в перерывах между полётами, красивая природа. Что ещё надо для гнездования? – отмечает Ринат Шакиров. – Птицы в хороших условиях размножаются в геометрической прогрессии.

О том, что Бугульму с Казанью должна соединить воздушная линия задумались ещё в 1933 году. Тогда же выполнили первый рейс по доставке почты. Пассажиры начали летать лишь в 1955-м. За два года до этого к аэродрому стали пристраивать аэровокзал, который находился в здании барачного типа и вместе с кассами и залом ожидания составлял всего 20 квадратных метров.

Место под аэропорт выбрали подходящее. Здесь не проходят миграционные пути птиц, что в разы снижает вероятность столкновения их с самолётами. Например, в московском аэропорту

«Внуково» довольно длительный «орнитоопасный» период. Потоки птиц перемещаются здесь с апреля по октябрь.

– Чтобы аэродром был менее привлекателен для птиц, по всей территории убирается любой мусор, скашивается трава. Хотя это нелегко. Площадь у нас большая, – говорит Ринат Шакиров. – Есть специальное оборудование: светоотражающие поверхности, блики которых создают неудобство пернатым во время полёта над нашей территорией. На взлётной полосе установлены сирены, издающие отпугивающие птиц звуки. После дождя образующиеся лужи становятся местом водопоя. Приземляются целые стаи. Поэтому мы приобрели ветровые машины, которые высушивают воду. Помимо всего этого, ждём рекомендаций от учёных КФУ.

– В планах нашей рабочей группы вернуться в Бугульму зимой. Интересно продолжить сотрудничество. Тем более мы заметили исключительную заинтересованность руководства и специалистов аэропорта, – резюмирует заведующий кафедрой биоэкологии, гигиены и общественного здоровья КФУ. – При проведении исследований мы ощутили внимание и желание способствовать успешному проведению работ. Это касается всех служб аэропорта.

Подробные исследования помогут, не нанося ущерб экологии края, предупредить птиц, что лучше гнездиться и питаться за пределами аэропорта, что позволит увеличить безопасность полётов. Такой современный подход авиационной орнитологии. А это далеко не компьютерная игра, где можно парой выстрелов легко справиться с проблемой. ■

► Алина Панаева

«А ОН ИГРАЛ, ОТДАВШИСЬ ВОЛШЕБСТВУ, СТРЕМИТЕЛЬНЫМ ДВИЖЕНИЯМ СМЫЧКА...»

В рамках фестиваля «МАСТЕРА МУЗЫКИ» и «MasterClass – Tour 2017» в Калифорнии, Риме, Москве, Казани и Набережных Челнах проходят мастер-классы виолончелиста-виртуоза и композитора Георгия Гусева. Выпускник Московской консерватории, доцент римской Accademia Musicale Praeneste, свои первые шаги на музыкальном поприще он делал в Набережночелнинской Детской Школе Искусств.

Как отмечают критики, в своем творчестве Гусев органично сочетает самобытность и элементы различных музыкальных культур, с которыми он взаимодействовал на протяжении своей жизни, ведь география его перемещений необычайно широка: родился на Южном Урале в г. Магнитогорске, детство провёл в Набережных Челнах, в Москве закончил школу-десятилетку им. Гнесиных и Консерваторию, а в Риме - Accademia Nazionale di Santa Cecilia (класс маэстро Giovanni Sollima), пять лет жил в Италии, где создал свой сольный проект «Cello Drive», путешествовал по Европе, сейчас живёт и работает в Америке в Лос-Анджелесе, изучая культуру этой страны.

Как солист Георгий выступал с оркестрами и ансамблями в лучших классических и современных залах России, Италии, Франции, Австрии, Швейцарии, Китая и США. Он принимал участие в международных фестивалях со многими всемирно известными музыкантами-классиками, такими как Наталья Гутман, Джованни Соллима, Энрико Диндо, Элисо Вирсаладзе, Рокко Филиппини, Моника Лесковар, Сониг Чэкерян, Борис Андрианов, Александр Бузлов.

Как композитор Георгий создал свою первую серию композиций для виолончели соло под названием «Дневник путешественника» («Vegiarario per Nomadi»), которые использовались в качестве фоновых заставок различных телепередач итальянского национального телевидения RAI и в нескольких документальных и короткометражных фильмах. Его первый

сольный альбом «Cello Drive», включающий в себя авторские композиции и обработки произведений Джованни Соллима и Томми Эммануэля, был выпущен британским лейблом North2North в июне 2015 года. Концертные выступления с проектом «Cello Drive» в Италии (Рим, Милан, Флоренция, Палермо) принесли музыканту известность. После того как проект был представлен в Москве на NAMM Musikmesse Russia, Георгия пригласили в США на NAMM show. После двухлетнего успешного сотрудничества с организацией NAMM show (Лос-Анджелес) Георгий был выбран в качестве официального артиста, представляющего NAMM show в классической секции.

Георгий Гусев более двух лет преподавал в качестве доцента в Accademia Musicale Praeneste в Риме и проводил мастер-классы современного подхода к классической музыке в Загароло (2013-2015 г.г.), Риме (2014-2015) и Москве (2014-2015). В США Георгий имеет частную студию игры на виолончели и на фортепиано.

«Блестяще, я никогда не слышал, чтобы кто-то так играл на виолончели!» – эти слова были сказаны всемирно известным австралийским гитаристом Томми Эммануэлем, услышавшим игру Георгия Гусева в Риме.

Георгий Гусев – организатор «GOSH projects». Проект направлен на расширение возможностей творческой реализации молодых российских музыкантов, организацию их концертов в городах России и Европы, привлечение в Россию западных музыкантов-новаторов для мастер-классов и концертов.

В апреле 2012 года на сцене Teatro Valle в Риме состоялась премьера «Breviario per pomadi», цикла пьес, написанных Георгием Гусевым для виолончели соло, после чего итальянский телеканал Rai 3 предложил заключить контракт на постоянное использование его музыки в передаче «Mi chiamo citta».

Помимо концертной деятельности и преподавания, Георгий активно участвует в культурном обмене между российскими и итальянскими

музыкантами. Он часто организует итало-российские мастер-классы в Риме и в Москве, а в 2013 году организовал Международный музыкальный фестиваль «Мастера Музыки», который ежегодно проводится в Москве.

Георгий является официальным эндорсером Thomastik-Infeld, Вена, а играет на виолончели Ernst Liebich, Breslau, 1890. ▀

В Казани ближайший концерт Георгия Гусева состоится 30 сентября в ЦСК «СМЕНА» (ул. Бурхана Шахида, 7), мастер-классы – 1 октября в Музее Е.А.Боратынского (ул. М.Горького, 25/28)

► **Елена Хадеева,**
доцент Казанской консерватории, кандидат искусствоведения

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Казанской консерватории

Поездка группы преподавателей Казанской консерватории под кодовым названием «Китай-2017» была замечательной. Никто и не предполагал, что это будет именно так. Конечно, когда пересекаешь границу страны, ожидаешь чего-то нового. Ведь все вокруг незнакомое: природа, люди, язык, внешний вид и стиль одежды. Для тех, кто оказался в этой стране впервые, Китай стал настоящим открытием.

НАШ ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ

Перелет на трех самолетах – серьезное испытание. Сразу скажу: самым комфортным было пребывание на борту лайнера «Москва – Пекин», хотя провести полный рабочий день в замкнутом пространстве на высоте почти 11000 м психологически непросто. Зато есть время подумать о том, что разделяет Европу и Азию и кто же мы: скифы-азиаты или потомки викингов?

«С ДУШОЙ, КРАСИВО, ТАК, КАК КИТАЙЦЫ УМЕЮТ ЭТО ДЕЛАТЬ» –

делегация Казанской консерватории с первых минут пребывания на китайской земле смогла убедиться в справедливости слов нашего президента, сказанных им на пресс-конференции G20 в Ханчжоу. Красиво, очень красиво оформлена дорога из аэропорта в город

Чанчунь, административный центр провинции Цзилинь. По местным меркам Чанчунь – город средней величины с населением 7,5 млн.чел. (к слову сказать, маленькими китайцы считают города с населением до 4 млн. чел.) Красиво, широко и удобно расположен Цзилиньский университет – ведущий национальный университет КНР, в подразделении которого – Институте искусств – нам предстояло выступать. Красивыми, большими и комфортными оказались отдельные номера, предоставленные преподавателям консерватории. Но особенно изысканной, совершенно необычной и очень красивой стала китайская трапеза. Торжественные церемонии обедов и ужинов продолжались всю неделю пребывания делегации Казанской консерватории в Чанчуне, и всякий раз это было доказательством особого расположения и уважения к гостям, и всякий раз китайская кухня

удивляла необычностью, смелостью и разнообразием.

Многое в Чанчуне нас поразило: сумасшедшее с точки зрения правил дорожное движение, звуковые сигналы по любому поводу, преимущество автомобилей над пешеходами, страшно долгая процедура обмена валюты в банках. Но поразила и обильная растительность огромных городских парков, свежесть цветов на улицах, красота прудов и окружающей их зелени, грандиозность и удобство университетских зданий и количество мест для отдыха студентов. И даже маленький электромобильчик, который за 1 юань доставит студентов, опаздывающих на лекции, в отдаленный учебные здания.

РАЗВОРОТ НА ЗАПАД

Радужный приём делегации из Казанской консерватории не случаен: сегодня Китай стремится установить прочные связи именно с европейской частью России. Казань же особенно интересна тем, что здесь мирно живут, успешно учатся и работают представители более 100 национальностей, а Китай столь же многонационален, и вопросы сохранения традиционных культур для стремительно растущей в экономическом плане страны более чем актуальны. Этим объясняется и выбор концертных программ, и приглашение лекторов с докладами о русской, татарской музыке, истории Казани и Казанской консерватории. Мы стали 277 вузом, подписавшим соглашение о сотрудничестве в сфере образования. При этом Казанская консерватория – единственная консерватория в длинном списке партнеров Цзилиньского университета. Подписание договора – официальная церемония. В неофициальной же части визита – концертах и мастер-классах – нам предстояло ближе узнать друг друга.

НЕДЕЛЯ МУЗЫКИ

Концерты в рамках Недели музыки «Цзилиньский университет – Казанская консерватория» были запланированы на каждый вечер. И каждый вечер приносил новые неожиданные впечатления. Самым удивительным стало присутствие на вечерних концертах большого количества маленьких и очень маленьких детей (3-5 лет). Попробуйте прорваться на спектакль или вечерний концерт со своим ребенком пусть даже и семи лет. Скорее всего, вам это не удастся. Не помогут и уверения в том, что ваш ребенок – слушатель «со стажем», и что он умеет себя вести, и что он посещает музыкальную/хореографическую школу. Китайские же юные слушатели проявили удивительную чуткость, деликатность, воспитанность, ни разу не нарушив царившую в зале тишину. Впрочем, ни разу не смутили выступающих и звонки мобильных телефонов. Замечу, что программа концертов была отнюдь не детской. Да и заканчивались концерты довольно поздно, в одиннадцатом часу вечера. И даже после антракта в зале на 1200 мест зрителей не становилось меньше. Это постоянство публики было особенно впечатляющим на фортепианном вечере Дарьи Сосновской, исполнившей сложнейшую сольную программу в двух отделениях. Впечатление от тонкой, изысканно детализированной, интеллектуально наполненной и одновременно мощной игры Дарьи Игоревны заставило несколько сотен слушателей буквально затаить дыхание.

Столь же увлекательным и захватывающе музыкальным стало выступление наших народников – Зарины Шамсутдиновой и Алмаза Ахметзянова. Исполнение было столь темпераментным, что зал время от времени начинал

аплодировать в такт. А необыкновенное изящество и одухотворенность Зарины вызвало у слушателей желание сфотографироваться с нею на память, так что на сцене образовалась длинная очередь, и встал вопрос о необходимости организации автограф-сессии.

Выступление наших замечательных вокалисток – Гульнары Мурзиновой и Екатерины Воронцовой – слушатели приветствовали энергичными аплодисментами. А исполнение легендарной «Катюши» было подхвачено залом: китайцы знают слова и очень любят эту песню, как и «Подмосковные вечера», которые звучали в очень проникновенном и весьма музыкальном исполнении первого проректора университета Чена Ганга на торжественном банкете в честь встречи нашей делегации. Очень тепло было встречено выступление Айрата Имашева. Еще бы! Ведь он пел на китайском языке. Залу песня была хорошо знакома, и слушатели с удовольствием подпевали артисту.

Если успех вокалистов можно считать закономерным у неискушенной публики, то интерес и внимание к камерной музыке по-настоящему удивили. Выступления квартета (Е. Рольбина, А. Абдуллина, В. Однопозов, А. Каминский) и трио (Е. Рольбина, А. Закиров, М. Набиуллина) с очень непростой программой в течение всего вечера вызвало у публики настоящий восторг. Иначе как объяснить длительные овации и троекратные вызовы на бис наших струнников?

Если исполнители были уверены, что их искусство будет понято и воспринято слушателями, то мы – музыковеды – были не очень уверены в том, что наши выступления будут адекватно поняты. Слишком велики различия в наших языках. Однако

опасения оказались напрасными. Организаторы обеспечили точный синхронный перевод всех докладов. О понимании слушателями смысла сообщений свидетельствовали разнообразными вопросами, которые прозвучали из аудитории, в результате чего завязалась дискуссия. Ход обсуждения успешно поддерживали переводчики-синхронисты, в компетентности которых мы убедились в процессе всего предшествовавшего конференции общения.

ОТ МАСТЕРА – К УЧЕНИКУ

Неделя музыки предполагала не только концертные выступления. Китайцы с нетерпением ждали и непосредственного общения и обмена опытом. На мастер-классах преподаватели-инструменталисты и вокалисты смогли приоткрыть некоторые секреты мастерства и установить контакт со студентами

и преподавателями Института искусств. Замечу, что уровень многих из них весьма высок и в целом соответствует уровню наших колледжей и вузов. Но есть и очевидные проблемы, которые вполне объяснимы различиями традиций и культур. Пожалуй, главная загвоздка – это исполнение западноевропейской и русской музыки XIX века. По словам самих музыкантов, исполнителям из России свойственна страстность, одухотворенность, даже порой стихийность и невероятная мощь. Китайские исполнители внимательны к деталям и при этом более сдержанны, более осторожны в выражении чувств. Эти различия особенно ощущались в совместных выступлениях российских и китайских музыкантов. Но при этом ощущалась и их близость. Огромную роль в этом сыграли наши замечательные мастера-концертмейстеры: уникальный

музыкант и «человек-оркестр» Алсу Барышникова и яркий лидер и чуткий союзник китайских исполнительниц Гэн Цзянь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Время летит быстро, и вот уже три самолета домчали нас до Казани. Группа из 17 человек под названием «Китай-2017» обменялась в WhatsApp приветствиями, фотографиями и трогательными пожеланиями. Может быть, в исключительном успехе предпринятой поездки сыграла роль цифра 17? А может быть, просто подобралась хорошая компания? Во всяком случае, с каждым из участников связаны только теплые воспоминания. И главное: мы все заново открыли для себя Китай – страну с удивительно гостеприимными, внимательными, трудолюбивыми, организованными и очень ответственными людьми. Спасибо вам, друзья! ▀

> ПОЭЗИЯ

> ПРОЗА

> ПРО ЧТЕНИЕ

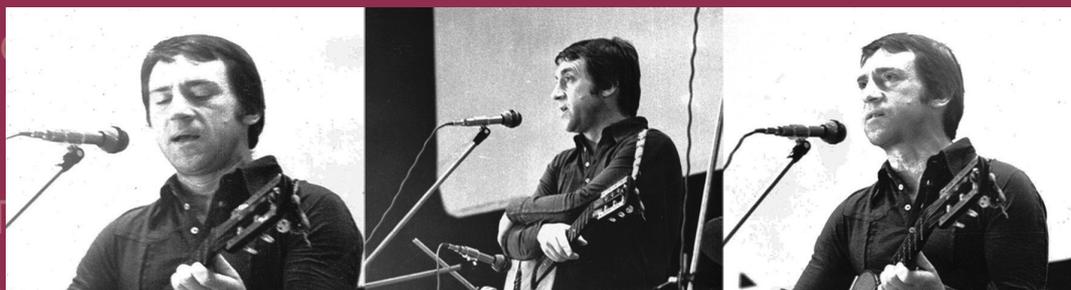
> ДЕБЮТ

> БАЛ-ОМУТ

> ГОРИЗОНТ СОБЫТИЙ

> DIXI

> ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ

Был ли шанс не очароваться книгой у ребенка, выросшего в окружении полутора тысяч томов домашней библиотеки, с величайшей кропотливостью собранной тремя поколениями родственников? Ни малейшего, разумеется. Был ли шанс удержаться от страстного желания пробовать писать у того, кто с восьми лет твердил Цветаеву наизусть? Ответ, конечно, опять очевиден. И пусть в качестве основного эпистолярного жанра Всевидящая Судьба – та самая, безусловно, о которой писал Баратынский, определила мне написание лекций и ВАКовских статей, (с 2010 года я преподаю в Казанском Федеральном Университете); вдохновение все же иногда посещает меня, и жизнь тогда ощущается ярче и полнее.

Кандидат философских наук, старший преподаватель ИМОИиВ КФУ.

Валентина Насрtdинова

ВРЕМЕНА ГОДА

Как с цирком бродячим уйти на рассвете,
И белые ландыши в смуглой руке
Несмело сжимать. И любясь, как ветер
Чуть слышную песню уносит к реке

Поверить ему. И отбросить сомнения,
Чужие химеры и вещие сны...
Идём же! Мой ветер так пахнет сиренью,
Мой ветер – предвестник грядущей весны.

И степь – акварелью, и скифские скулы,
Старинный девиз на актерском мече,
Гадать на ромашке, и быть Мариулой,
И вновь засыпать у тебя на плече..

И пальцы запутывать в конские гривы,
И табором петь при костровом огне,
И небо расписывать звёздным курсивом
О дальней дороге и вечной весне.

Лето, воспетое песнями звонкими,
Солнце закатное – вот и разминулись.
Стебли хрустальные – пальцами тонкими,
В август зовущая легкая изморось...

Волны, гонимые сестрами-музами,
Тайны забытые, сон недосказанный.
Я предпочту оставаться неузнанной,
Дождь над землю – бессчетными стразами...

В чашу лесную, к избушке заброшенной
Снова уводят тропинки заветные.
Юного месяца взгляд замороженный,
Ночь колдовская – короткая, летняя.

Отсчитывать годы костяшками счетов,
Руки на прощанье коснувшись рукой,
Во взгляде усталом угадывать что-то,
Осеннее утро встречая с тоской...

А быть бы смелее – окликнуть, вернуть бы,
И темные пряди откинуть со лба...
Как выпавшей картой решаются судьбы,
Так нынче и наша решилась судьба.

РАХМАТУЛЛИНА, ДОМ ШЕСТЬ

I
Тоска разлита по жилам,
И ящик почтовый – пуст.
А помнишь, вот здесь мы жили,
Сиреневый – помнишь – куст?

Тот двор – объясненья лишни,
Калитка, в цветах крыльцо.
И спелая роскошь вишни,
Потерянное кольцо...

И песня шумящих сосен
(Как мне вспоминать о том!)
Чай с мятой, и верность пёсья,
Отцовский – когда-то – дом...

И снежные – помнишь зимы,
И стопки старинных нот...
Сегодня проходим мимо –
Здесь кто-то другой живет.

II
Распахнуты окна в осень,
Захлопнут старинный том...
Холеная дама просит
Отцовский проехать дом

Таксиста, и платит щедро,
И долго молчит затем,
И в воздухе пахнет цедрой,
И нет в разговоре тем,

Важнее, чем четверть века
Назад, и тому виной
Не полночь, не суммы в чеках,
Известные ей одной:

Здесь солнце надежд светило,
И сердца осталась часть.
То прежнего дома сила,
То памяти гулкой власть.

«С МОИХ СЛОВ ЗАПИСАНО ВЕРНО...»

Конспект разговора в двух частях

I.
Я твои не искала лайки
на страницах неясных женщин,
я с другими делила пайку
и другим доверяла вещи.

Не имея совместных планов,
Фотографий, ковров, решений,
Мы сумели сказать о главном,
Не скатившись до отношений.

II.
А он впоследствии стал богат,
И всё – до мелочи – мне вернул:
Закованный запонками агат,
И манкую юность высоких скул;

И пышные клятвы времен, когда
От пылкой полночи полдень – тих;
Места в партере, где два ряда
Мы выкупали для нас двоих.

Нескладных сплетен нехитрый лад,
И наспех краденную Луну –
Он мне вернул, и ушел в закат,
Ветра дорог предпочтя вину.

Он женщин знал, и тепло жилья,
И города, где жива латынь,
Но шел, дорогой ведом в края,
Где пыль степей и пески пустынь.

И в знойный полдень, прохладе рад,
Он сад нашёл и в саду уснул.

И видел сон, где он был богат,
И всё – до мелочи – мне вернул...

ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

1
И я о будущем мечтала тоже,
На твои руки голову сложив,
И был рассвет так трогательно лжив,
Так эта доля чувствовалась кожей...

И кто-то был на двадцать лет моложе,
а кто-то просто – жив....

2
«Август – астры...» (М. Ц.)
Обожженные солнцем астры,
Утонувшие звезды – в смоге...
Я желаю тебе – счастья,
Я молю о тебе Бога..
Я считала тебя – лучшим,
Восхищалась твоим даром..
Было время, и был случай,
Только жаль, все прошло даром...

3
А ты улыбнешься, как будто в помине
Нам не выпадало ни слез и ни боли,
Как будто бы не было страшных «отныне»,
Как будто мы дети и учимся в школе..

И все впереди – все дороги и встречи,
Все полные чаши и мелкие толки...
Накинешь, как раньше, платок мне на плечи,
И скажешь – малыш, не кури возле елки...

Температура – минус тридцать,
За поворотом в лес – погост,
А мне все это только снится,
При лунном свете снег искрится,
От кисти остывает холст...

И всё слабее твою руку
Я чувствую в своей руке,
И каждому внимаю звуку,
И вещь пою разлуку,
Не строя замков на песке.

► Фарид Хайруллин

Владимир Урецкий, Георгий Цыпцын, Владимир Гаранин «ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ В КАЗАНИ: хроника, воспоминания, свидетельства, фотографии»

Книга «Владимир Высоцкий в Казани» – настоящий подарок для всех татарстанских ценителей творчества Владимира Семёновича. В ней подробно и увлекательно рассказано о шестидневных гастролях поэта и барда в нашем городе в октябре 1977 года, во время которых он дал более двадцати концертов в Молодёжном Центре и во Дворце спорта.

«Впечатления от Казани у меня самые хорошие. Когда я собирался сюда на гастроли, многие друзья говорили: «Не пожалеешь, хороший там народ». В Татарии я не впервые: был на КамАЗе и уже оценил гостеприимство. Сейчас выступаю с большим удовольствием. Думаю, это не последние наши встречи.»

Для автора Владимира Урецкого визит Высоцкого в Казань стал одним из самых ярких и запоминающихся событий в жизни. За почти четыре десятилетия ему удалось собрать много разной информации, касающейся пребывания Владимира Семёновича в Татарии. Для этого он скрупулезно записывал воспоминания журналистов, звукорежиссеров и фотографов, работавших с Высоцким на концертах, приобретал фото и собирал статьи. Наведывался Урецкий и в места, где бывал поэт. Так, например, в той многоэтажке, где раньше располагался магазин «Океан», он удивил нынешних жителей, и не подозревавших, что в стенах их квартиры когда-то неоднократно бывал легендарный бард!

Самыми интересными в книге мне показались воспоминания очевидцев, как непосредственно общавшихся с Высоцким, так и просто посетивших его концерты. Также весьма любопытно было прочитать стенограммы выступлений Владимира Семёновича, который в перерывах между песнями делился с публикой своими мыслями о жизни и творчестве, а также с любовью рассказывал о родном театре на Таганке. Такие импровизационные монологи, запечатлённые на магнитофон, несомненно, придают концертам Высоцкого в Казани особую ценность. К счастью, для нас сохранились и аудиозаписи некоторых выступлений барда в нашем городе, пусть и недостаточно хорошего качества.

Уверен, книгу «Высоцкий в Казани» ждёт хорошая судьба, и её очень скоро сметут с прилавков преданные поклонники барда, которых с годами, кажется, становится только больше. И не только в Казани. ■

Фото из книги «Владимир Высоцкий в Казани»

Ольга Бакулина

БЕНАМУКИ, ИЛИ ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

По-моему, в городе обязательно должен быть трамвай. Ну какой же город без трамвая? Пронзительный визг железа на пла-а-авном изгибе рельсов — звук из детства. Тогда он вызывал острое ощущение счастья: папа держит за руку, а дома ждёт мама. Солнце, каникулы, велосипед... Теперь, когда визжит трамвай, хочется заткнуть уши, а в голове всплывают нехорошие слова, усвоенные после детства. И кондукторы теперь всё больше злые тётки, убитые жизнью, в дурно пахнущих стоптаных опорках. Или восемнадцатилетние преждевременные женщины с пустыми глазами, и тоже злым, как у тёток, лицом. А трамвай безотносительно к ним идёт себе по рельсам, равнодушный к своей начинке, потому что он — трамвай.

Он возит бабушек и школьников. Тех, кто уже и ещё не обзавёлся автомобилем, а скудная схема метро в городе не предполагает возможности быстро добраться в любое или нужное тебе место. Бабушки и школьники — нежные существа, им нужны простор и ветер. Один священник сказал, что живым людям под землёй не место. Но простые взрослые закалены бытом, у них цель, и они нечувствительны к неправильности происходящего. У них — работа.

Трамвай — как старый пёс. Верно служил хозяину, легко бегал, ещё недавно молодой и надёжный. Недолгие его годы прошли быстро. Теперь у трамвая отнимают его рельсы. Вместо них то там, то здесь взрытая обнажённая земля. Она стесняется своей наготы. Автомобили из милосердия быстро укрывают её собой, составляют дружные разноцветные ряды. Трамваи идут мимо новым, извилистым маршрутом. Может быть, им не очень грустно.

Он сидел в парке над тарелкой с шашлыком. Солнце стекало с зонта, носившего имя «Мальборо», капало на хлипкий стол из красного пластика. «Вовка, — звучало у него в голове, — ты приедешь?». Муравьи припадали к лужицам пива и тонули, прижав лапки к брюху. Он спичкой выталкивал их на солнце, чтоб обсохли, ожи-

ли, но они не хотели оживать: «Как я», — вяло подумал он и тут же забыл об этом. Пивной градус внутри и тридцать пять снаружи вступали в противоречие, но стремились к консолидации. Дать им договориться могло одно — та, чей голос спрашивал: «Вовка, ты приедешь?». Он приехал, и жевал их традиционную еду — шашлык. Её порция, и его вторая — ещё мариновались, и грелось белое вино, которым мясо будут поливать, брызгать им на угли, когда она придёт.

Она сидела на качелях. Смешные белые гуси держали их в своих клювах, и ржавчина разъедала им глаза. Нечувствительные к жаре дети лепили гусиные подобию в песочницах, призывая родителей полюбоваться. Она подумала, как это хорошо, когда ты ни в чём не виноват. Когда не нужно идти и оправдываться — по ч е м у. Захотелось самозабвенно дудеть, вода машинкой по грязному песку. И, вспомнив про маму, кинуться ей в колени. Она им завидовала.

Он ждал её. Она ждала, когда качели отпустят и она пойдёт на запах жареного мяса. Не одеклона, который кружил голову и делал мир восхитительным. Не трубочного табака «Флотский», которым пахли его волосы и кожа. И она сама, и их губы, и трава, и его любимая липа. И живые муравьи на шершавой красной столешнице со следами затушенных об неё сигарет.

Их всегда тянуло на кладбище. Умиротворение, и начало. Другой, новой жизни. То, что утишало, как масло, вылитое на скачущие волны в шаткой надежде утишить шторм.

— Хочешь, — говорила она, — лежать здесь, рядом со мной, после того, как?..

Он молчал, читая имена и даты на надгробиях, на мгновение вызывая к жизни обитателей могил, когда-то звавшихся так. В этот миг они воскресали, и любимые своими родными, и давно забытые.

— Не хочу, — потом говорил он. — Не хочу лежать и гнить. Лучше — пепел.

И выбивал свою трубку в ладонь. Ветер сдувал пепел, и на ладони оставался только запах.

Он прятался в линиях ума и жизни, у подножия венерина холма, растекался по длинным пальцам. И он проводил душистой рукой по её щеке. А с табличек смотрели на них даты с чёрточкой между ними.

Его назвали Владимиром в честь города, где родился его отец. Понижая пафос имени и своих чувств к его обладателю, она называла его Вовкой. Он её — О. Соплеменники Пятницы так обращались к своему богу Бенамуке. Они оба сначала врозь, а потом вместе любили приключения Робинзона. А её всегда любили и до него: родители, брат, сестра, учителя. И его любовь казалась ей естественной, закономерной.

— У тебя здесь кто-нибудь лежит? — спросил он.

— Да. Бабушка с дедом и дядя. Мамины.

— Расскажи.

— Потом. Давай просто посидим.

Они сидели, курили, молчали. Ранний вечер слизнул с крестов паутину, просочился сквозь листву, лёг им на колени. Он легонько погладил тень на её ноге.

— Пойдём?

— Да.

Время долгих разговоров осталось в их недалёком прошлом. Они знали друг о друге всё, будто выросли вместе. И о мёртвых своих они знали всё, просто он любил слушать её рассказы, всякий раз с новыми подробностями. Они знали друг о друге всё. Им недавно исполнилось три года.

Трамвай, любимый обоими за его основательность и неторопливость, распахнул им двери. Неторопливо, как им и хотелось, довёз до конечной остановки.

— До завтра?

— До завтра. Вовка, не кури много.

— Угу.

На другом конце города его ждала жена.

Качели, скрипнув, легко оттолкнули её от себя. Подходя, она смотрела, как он крутит в пальцах незажжённую сигарету.

— А где твоя трубка?

— Забыл.

— Что случилось?

— Я сказал, что не люблю её.

«Боже, как всё банально и пошло» — подумала

она. Взяла у него из рук сигарету, закурила. «Зачем?» — спросила она его, но вслух не произнесла. Зачем? Уже сказал.

— Будешь шашлык?

— Вовка, хочешь, почитаю стихи?

— Тебе плохо?

— Мне теперь или хорошо, или — плохо. Полутона куда-то исчезли. Так всегда бывает, если люди всё друг другу сказали? Если немой диалог давно норма? Если говорят глаза и руки?

— О, я люблю тебя.

— Я знаю. Ну, давай свой шашлык, и будем думать, что нам делать... Знаешь, эти рифмы живут сами по себе, помимо меня. И они уже нашли решение.

— Не пугай меня, О. Никто ничего не может решить за нас. А мы не будем решать. Отпустим ситуацию, пусть она развивается сама.

— Ситуацию? Ты называешь это ситуацией?

— Почитай стихи.

— Хорошо.

Девчонкой она была влюблена в мальчика, по имени Женя. Мальчик был красив, изящен, как поэт серебряного века; огромные глаза, высок, строен. Поганец знал об этом, но соха, прошедшая по судьбам его родичей, оставила ровные борозды, без зигзагов и извилин. Её внешность не оставляла надежды на взаимность, да она и не искала её. Это потом, повзрослев, хотела определённости во всём. Да или нет. А тогда рефлексии были хороши своей неизведанностью. Мир был нов и бесконечен. Тяга к формулировкам даже не маячила впереди. Потом только эта тяга отличала её от стеснительной девочки в некрасивых очках, толстой и необщительной.

Однажды всё закончилось. Они, человек десять детей, играли во дворе в «кино». Незатейливое это развлечение заключалось в следующем: один называл первое слово из названия фильма, остальные должны были угадать и произнести название целиком. За два часа шума и смеха мальчик не угадал ни одно. На его высоком лбу ничего не было написано.

Говорят, слишком высокий лоб плохо характеризует своего хозяина. Слово, определяющее интеллектуальный потенциал, противоположно слову «умный».

Когда родители позвали всех домой, её любовь пёстрой тряпочкой осталась лежать на дворовой скамейке. Утром её уже не было. Наверное, кто-нибудь подобрал.

Спустя немногие годы он пришёл из армии. «С ума сойти», – подумала она, увидев его. Клёш, тельняшка, ленточки, пуговицы...

– Жень, подари бескозырку, – сказала она.

Эль Греко не взялся бы перенести на холст выражение его лица в тот миг. Лоб был так же чист и безмятежен, а вот всё, что ниже – плыло и дробилось, как перспектива в жару над раскаленным асфальтом.

– Жень, я пошутила. Иди к маме.

Куда он делся потом, никто не знал. Наверное, пошёл на кастинг. На Олимп.

Стихи были не хороши, и не плохи. Как не хороши и не плохи воды реки, затапливающие берега в половодье. Просто текут, потому что нужно куда – то деться.

Ты забудешь меня очень скоро.
Это данность, привычный закон.
Говорю просто так, без укора –
Ты не ставил ведь жизни на кон.
Да и жизнь – не игра. Мы играли:
В дурака, в фараона, в бадду.
Блефовали по – крупному, лгали –
Увлеклись мы игрой, на беду.
И втянули в свои заморочки
Неплатёжеспособных людей.
Мы не сами расставили точки
В списке наших бредовых идей,
Мы игру не закончили. Люди,
Просто – люди задули свечу.
В темноте карты брошены. Будет.
Я сама за игру заплачу.
На зелёном сукне тонким мелом
Подведу под итогом черту.
Сроду толком играть не умела,
Вот и выбрала карту не ту.
Распечатай другую колоду
И найди козырного туза.
Не ходи с него больше в угоду
Никаким соблазнительным ”за”.

Она замолчала. Он открыл глаза.

– О, но мы же ничего не решили.

– На самом деле уже решили, только ещё не знаем об этом. Ситуацию нельзя отпустить, мы и так её не контролируем.

– Нет.

– Да.

– Я принёс тебе лекарство.

– От ситуации?

– Для твоей мамы. Прислали.

– Твой Марк? Из Хайфы? Спасибо.

– Как говорит твой отец: « Всё для тебя, дорогая, реки наполню вином!»

– Вином... Можно выпить токайского. Шашлык, наверное, готов.

– Я принесу. А Марк перебрался Иерусалим.

– На качестве лекарства это не отразится.

– Нет.

Она училась в четвёртом классе ближайшей к дому школы. Школа была немецкая, «с углублённым изучением». Подтянутые, одинаковые, как гвардейцы, учителя. Натёртый мастикой паркет никогда не был знаком с пылью. Наивную герань не пустили бы и на порог – на подоконниках учебный процесс сопровождала строго постриженная монстера с блестящими кожистыми листьями. Любая попытка растения выбиться из ранжира пресекалась на корню.

Их отношения с функционером, именуемым первой учительницей, не сложились сразу и навсегда. В дневник на каждый разворот вносила красная записка: « Родители, зайдите в школу ». За несвоевременный взгляд, за упавший из рук мел, за стукнувшую крышку парты, за мятую обложку тетради. За прописи, за арифметику, за вторую обувь не того цвета. Школа имела хорошую репутацию. Благодаря усилиям импозантного, несокрушимого директора с библейским именем Самуил.

В середине второй четверти немолодая мама привела в 4а сына, а в 1б – дочку. Дождавшись первой перемены, она, обняв своего ребёнка (дочка Лариса была изъята учительницей), подвела его к новым одноклассникам. И попросила... У давно выросшей и успевшей постареть девочки до сих пор сбивается дыхание и щемит в груди от этой просьбы.

– Это мой сын Володя, – сказала она – Он родился 22 апреля, как Владимир Ильич Ле-

нин. Поэтому мы назвали его Владимиром. Он недавно тяжело болел, и я прошу вас, дети, не обижайте его, хорошо?

«Ага», «ладно», «хорошо», «не будем» – закричали дети. И мама поверила. Наверное, она выросла на книгах Чарской или, того чище, Честертона.

Володя трогательно заботился о сестрёнке. Они о чём-то шептались на переменах, он провожал её в раздевалку, одевал, туго повязывал шарф, поглубже натягивал шапку с помпоном, и она один урок ждала его на улице. Потом они шли домой. Картинка из «Родной речи», уютная и тёплая.

Маленькие зверушки с недетским садизмом (или, напротив, именно детским, не знающим нравственного чувства) выталкивали Володьку из своей стаи. У него была замысловатая, то ли еврейская, то ли белорусская, фамилия. Б...вич. И всегда полурастёгнутая молния на брюках из плотной серой байки. И его прозвали Бизюлькин. Он не обижался и говорил девочке, с которой они подружились: «Я знаю, почему Бизюлькин. А ты?». Ей было мучительно жаль его, даже подташнивало. Хотелось обнять, защитить, и в то же время душа не справлялась с этой нагрузкой, багаж опробованных и усвоенных эмоций был ещё невелик. Они сидели после уроков в сквере напротив школы, ели домашние бутерброды. Он рассказывал про дом, про маму, про кошку Мусю, про то, что папы нет, а мама болеет. Про книжки, которые любит, про недавно умершую бабушку... Короткая дружба закончилась осенью. Отупев от непрерывного конфликта с учительницей, в котором силы были неравны – к тому же конфликты никогда не были её сильной стороной – она попросила родителей перевести её в другую школу. Конечно, её перевели. Родители знали, что ни один из их детей не станет просто так ничего просить. Хотя им никогда ни в чём не отказывали, они редко о чём-нибудь просили, потому что всё обсуждалось даже не в присутствии детей, а – с ними. Они были в курсе всех дел: событийных, ситуационных, финансовых. Знали, что при первой возможности у них будет то, что им хотелось. Родители знали о конфликте, и объяснять ничего не пришлось.

К новой школе вела длинная аллея, сплошь засаженная деревьями и живописными кустами, которые росли, как им вздумается. В трёх местах бодро стояли крепкие гипсовые люди труда: дебильноватая оптимистичная колхозница с перекинутым через плечо снопом; геолог с кайлом и толстым планшетом на ремне; и учительница в обнимку со стопкой книг и стоящим на них глобусом. Вдохновенные, они уверенно смотрели в неведомую даль, загадочно улыбались и не замечали своих отбитых пальцев, наполовину утраченного башмака и окурков, намертво впечатанных в места, которые принято считать интимными. Всюду ворохом лежали кленовые листья умопомрачительного цвета. Листья русского клёна, а не американского заморыша, гибрида неведомо кого с кем. В новой школе двоечница стала успевать по всем предметам, кроме арифметики. Впрочем, цифры не давались ей всю её последующую жизнь.

А зимой бывшая одноклассница из немецкой школы сказала ей, что Володька погиб. Погиб, по страшному совпадению, в день смерти своего тёзки, пролетарского предводителя. Ехал «на музыку», соскочил на повороте с подножки трамвая и сполз по ледяному сугробу прямо под колёса...

День угасал. Они молчали, пили вино. Не было сил произнести: «Ну что, пока?» И тогда он сказал:

- Ну что, пойдём?
- Костя опять уехал?
- Да. Ключи у меня.
- Пойдём.

Идти было недалеко. Чужой дом, чужая квартира, чужие запахи на кухне. Чужие тапочки. Тоска от неизбежности того, что должно случиться, «Случиться. Случка. Случай...» – подумала она.

– Знаешь, двое должны жить рядом. Вместе. Ложиться спать, чтобы проснуться утром. А мы... Физиотерапия: приняли процедуру, встали, оделись, пошли дальше, по делам.

– О. ну и?.. Давай жить рядом. Сколько я могу просить тебя об этом, ну – сколько?

– Не кричи. Это несчастье, пойми ты. Воровство, гадость. Она сейчас сидит на кухне. И ждёт, ждёт, ждёт тебя. Остыл твой любимый пирог, а она ждёт и ждёт.

Он застонал. Щёлкнул выключателем. На хорошей копии Брейгеля, висящей на стене, началась жизнь. Тёмные фигурки повезли хворост, детей на санках, собаки завернули кренделем хвосты, заскрипел снег.

Она любила эту картину. Подошла, погладила деревья под лаком, потёрлась носом, пытаясь уловить запах холста и масла.

— Дурочка, ей двадцать лет, она пылью пахнет.

— Тебе сорок два, но ты же не пахнешь пылью.

— Пахну. Пылью веков. За три года я прожил целую вечность.

— Фу—у... Где ты откапал этот трюизм? В пыльном кармане?

— Я сварю кофе?

— Свари, Вовк. И ещё сделай омлет, ладно? Вку—у—усный. Как в пионерском лагере.

Рассвет заглянул на кухню, шевельнул занавеской, слетел на подушки и угнездился между ними, согреваясь. Было тихо. Они спали. Впереди был долгий день. Они не знали, как проведут его. Расставаться было невыносимо.

Три года назад они случайно столкнулись на улице. Она на ходу листала только что купленную книгу, и влетела ему в спину.

— О!

— Извините...

— Вы не ошиблись?

«Ну, просто «Сердце матери», — подумала она.

— Ну, просто «Сердце матери», — засмеялся он. — Вы знаете эту притчу?

«Так не бывает», — подумала она.

— Здесь за углом есть кафе, где подают мороженое. Вы любите шоколадное? — спросил он с ударением на последнем слове.

«Так не бывает», снова подумала она.

— Вас зовут Владимир, — утвердительно сказала она.

— Да, — не удивился он. — А Вас отныне зовут О.

«Значит, так бывает».

— А Вы любите пломбир, белый, без сиропа, и чтоб слегка подтаял.

— Очень люблю. Идём. И дай мне твою книгу. Не хочу, чтобы ты въехала ещё в кого—нибудь. Там столики — на д в о и х.

В маленьком кафе было пусто. Пел Джордж Майкл. Свою пронзительную молитвенную «Jesus To A child». Они посмотрели друг на друга:

— Да?

— Да.

И одновременно улыбнулись.

— Кто ты? — спросила она, когда они сели за столик.

— Если скажу, что художник, ты поверишь?

— Нет.

— Зав. секцией в универмаге?

— Нет.

— Физик?

— Нет.

— Тогда скажи сама.

— Ты — геолог.

— Пахну костром и немытой одеждой?

— У тебя глаза как у геолога.

— А я еду, а я еду за туманом, за мечтами и за запахом тайги, — напел он. — Да?

— И это тоже. Я жизнь назад хотела быть геологом, но потом подумала, что немытые два дня ноги — это выше моих сил. А минералы до сих пор завораживают.

— Я подарю тебе кусок сердолика. Привёз из Якутии. Он рождается в лаве.

— Подари. Не спрашиваю, откуда ты знаешь, что это мой любимый.

— И я не спрашиваю про геолога. Ещё мороженого?

— Только поменьше.

Он встал, направился к стойке. Оглянулся. Она отрицательно покачала головой. «Не уйду», — понял он, улыбнулся.

Она смотрела, как он шёл. Брюки без единой складки, наполовину закрывающие каблук даже на вид удобных ботинок. Чистая рубашка в тон брюк, жёсткий воротник облегал шею как целлулоидный, и оба конца его смотрят вниз. Хороший разворот плеч. Какая—то настораживающая безукоризненность в облике. «Да ладно тебе, — подумала она, — отец так же безукоризнен, и ничего, уже сорок лет вместе. Спроси маму, она скажет, что это не страшно... Он похож на Высоцкого, только выше... Мало кто так носит одежду, как собственную кожу... Мои штаны как будто год не гладили... Один конец воротника вверх загнут... ».

Он снова обернулся, поднял ладонь с растопыренными пальцами. Она кивнула: пять минут — не много.

Он поставил мороженое на стол, перегнувшись и погладил её по щеке, едва коснувшись.

— Соскучился.

«Женат», — тоскливо и некстати подумала она, и сказала:

— Я тоже. Давно. Знаешь, не могу пожаловаться на отсутствие рядом родной души. Так хорошо жить, когда ты понятен с полуслова. Тем, кто любит.

— Мне это не знакомо. Было незнакомо. Ты откуда взялась?

— Не знаю, — она пожала плечами, — Взялась.

— Может я, как Экзюпери, сочинил тебя? И ты взялась. Там, где и быть не могла.

— Ты притчу в книге прочёл?

— Да.

— А мне мама рассказывала. Я ещё маленькая была. Она забрала меня из детского сада, и мы шли с ней по длинной—длинной улице. Она и теперь длинная, но уже иначе. По дороге мы всегда заходили в магазин, и знакомая продавщица, не спрашивая, наливала мне томатный сок. Помнишь, тогда сок продавали из таких трёхсосудных устройств. В конусах был разный сок, и кран, как у самовара. А потом стали кнопки. И стояли два стакана: в одном соль, а в другом вода, чтобы споласкивать ложку, розоватая или совсем красная, смотря сколько выпили томатного сока.

— Помню.

— Ты тоже любил его.

— Конечно.

— Ну вот. Когда мы вышли из магазина, увидели, как мальчишка на трёхколёсном велосипеде, — у меня был такой же, только уже двухколёсный, папа научил, — наехал на поребрик, упал. То ли он ушибся, то ли ему стало обидно, но, когда мать бросилась поднимать его, мальчишка сильно ударил её. А она прижала его к себе и поцеловала в волосы.

— Мам, она не обиделась? — сцена поразила меня. Как это — стукнуть маму?

— Есть такая история. Сын одной женщины полюбил девушку из соседнего аула. Ты помнишь, что такое «аул»?

— Да.

— Девушка была гордая, капризная и не хотела выходить за него замуж. Просила то привести ей коня, то купить красивое платье. Но каждый раз обманывала. Как—то раз она сказала: «Принеси мне сердце твоей матери. И тогда выйду за тебя замуж». Он прибежал домой, рассказал маме об условии невесты. «Возьми его, сынок, — ответила мать» ...Сын очень торопился, бежал к своей девушке, споткнулся и упал. «Ты не ушибся, сынок?» — спросило его сердце.

Я в ужасе устала на маму.

Она улыбнулась: — Это сказка, малыш.

— Это злая сказка!

— Не все сказки добрые. Помнишь «Русалочку» и «Стойкого оловянного солдатика»?

— Ты больше не будешь мне её рассказывать?

— Не буду.

— Те сказки тоже плохие.

— Их написали когда—то для взрослых людей.

— Разве взрослым не страшно?

— Уже не так, как тебе.

— Мам, ты меня любишь?

— Конечно, дурочка, — она засмеялась, — очень люблю.

— А Сашку?

— А как ты думаешь?

— Думаю...

— Идём, скоро папа придет. Нам с тобой нужно его покормить.

— Мам, а Сашка меня любит?

— А ты спроси у него. Придём домой, и спроси.

— Мам, он тако—о—ой старший брат, прямо старший—старший.

— Алёнка тоже старше тебя.

— Алёнка девочка. И она со мной играет.

— А Саша?

— Саша только в машинки и в солдатиков.

— А ты готовь для его солдатиков еду, и вози им на твоей машинке на войну. В солдатиков—то он с тобой играет, а он уже большой.

— А ему понравится?

— Попробуй.

Она замолчала. Мороженое растаяло, она выпила его прямо из креманки.

— Ты познакомишь меня с твоей мамой?

— А с папой?

— И с папой.

– Ты не торопишься?

– Тороплюсь. Я хочу увидеть, как ты живёшь, какие безделушки стоят в твоей комнате, что ты видишь в окне. Какие собаки живут у вас во дворе, какого цвета скамейка и как выглядит твоя дверь.

– Владимир, я...

– Не «Владимир», – мягко остановил он. – Как бы ты называла меня, если бы мы были знакомы не два часа?

– Вовка.

– Вот! – он откинулся на спинку стула. – Вот! Меня так дед называл. Он служил конюхом в колхозе...

Она посмотрела на его длинные пальцы. Он перехватил её взгляд:

– Бабушка из дворян. История незатейливая. Я о таком в книжках читал. Тебе никогда не казалось забавным, что понятие «бродячий сюжет», – будь то приключения Золушки или нищего мальчишки, ставшего миллионером, – имеет место быть как в литературе, так и в жизни. Они перетекают друг в друга? Или, начитавшись сказок, люди стремятся сделать грёзы явью? Кому – то это удаётся, и тогда, читая про современную Золушку, нелестно думаешь об авторе: банальный плагиат. А он – с жизни списывал. Не казалось?

Ей казалось. Она думала об этом. И даже пыталась написать повесть. Но выходило именно так – банальный плагиат. Сказать, что думала? А если и ему покажется, что «так не бывает»? Дурацкая ситуация: думать одинаково и бояться признаться в этом.

– Ты не боишься, Вовк?

– Чего?

– Ответа. Если скажу – да.

– Я боялся, что ты скажешь «нет». Пусть несовпадения начнутся позже. А они должны быть, мы же не близнецы. Однойцевые.

– А жаль.

– Тебе – жаль?..

– Я бы хотела такого брата.

– А у тебя нет?..

– Есть. Я его очень люблю, но мы разные. Как воздушный шарик и ядро для метания. Как гусиное перо в чернильнице и «Ундервуд». Как Пьеро и Буратино. Несравнимые. Ещё сестра есть. Болтушка, хохотушка. Слово не в кармане – на

кончике языка. Надёжная. С ней легко. Нам вообще хорошо вместе, при любом раскладе, как ни тасуй. А лучше всего – когда мы все у родителей.

– Тебе повезло.

– Это да. Ты не рассказал про деда.

– Он был третьим ребёнком в семье и единственным парнем. Родился на излёте прошлого века. Заштатный городок на Вятке. Свой дом, своя кузница с одним наёмным работником. Когда сроду не знавший нужды дворянин объявил войну дворянам и всей стране, прокричав с броневика свои тезисы, деду исполнилось двадцать. Отец, заплатив кому надо и цыкнув на плачущую мать, выправил справку о его смерти. Положил её за образами, и услад сына в дальнюю деревню к своей престарелой тётке. Деревня была на десять дворов, захудалая. Словом, красные туда не добрались. Зато добрались до соседнего поместья, сожгли его и вырезали всех: барина, барыню, двоих детей, гувернантку. Даже горничную убили, местную крестьянку. Барышня об эту пору гуляла в лесу. Пришла домой с лукошком грибов... Постояла на пепелище, погладила ещё горячую золу, поставила на неё лукошко. Когда запахло жареными грибами – любимым папиным блюдом – она медленно осела на серую траву.

Дед чинил плетень, когда к нему подошла, как он потом рассказывал, «институтка».

– Вы не знаете, – спросила она, – где я могу напиться? У вас нет воды?

Дед отвёл её в дом. Расписались они уже после войны, в сорок пятом.

– Не устала?

– Ты хороший рассказчик.

Из его кармана раздались звуки, будто игрушечный ксилофон одиноко выводил свою партию.

– Извини, – он достал телефон. – Да...Да, буду...Нет, сег ка.

– Можно посмотреть?

Он протянул ей телефон.

– Никогда не видела мобильник. «Моторола». Его так зовут?

– Это изготовитель.

– Тебе нужно идти?

– Да. Давай завтра встретимся здесь же. Только не говори, что не сможешь. Даже если это так.

– Я смогу.

— В двенадцать. Тогда у нас будет почти целый день.

— Хорошо.

— Я всегда любил тебя. Не смейся, это правда.

— Я не смеюсь.

— Знаешь эту песню... — он не успел договорить.

— Знаю. Ты умеешь петь?

— Не очень. Но пытаюсь. Иногда. А ты?

Она махнула рукой: — Не—ет. Но люблю. Но не пою. У сестры абсолютный слух. Представляешь — каково ей?

— Значит, завтра спою. «...Почему же ты мне встретишься лишь сейчас...».

Она засмеялась:

— Слух у меня тоже абсолютный. Но Алёнка ещё и петь умеет.

Они встали.

— Я провожу тебя.

— Не опоздаешь?

— Нет.

До троллейбусной остановки было недалеко. Улица, как эскалатор, помимо их воли несла вперёд. Они цеплялись глазами за витрины, окурками — за урны, пытались остановиться. И пришли. Ещё оставалась надежда, что троллейбусы ходят редко. Было ощущение, что душа — одна, разделить физически невозможно. Не делилось. Она положила ему на грудь ладонь, оттолкнулась. Оторвалась. Стало легче.

— Троллейбус. Пока.

Улица убегала назад. Навстречу — надвигалось время.

— Юська, привет.

— А—а...Привет. Ты куда пропала?

— Здравьте. Это ещё вопрос, кто пропал.

— Я не пропала, а ездила домой.

— Как матушка?

— Нормально. Бодра, строга, непреклонна. Не забалуешь.

— А ты не балуй.

— А я не балую. Я живу. Когда это жизнь считалась баловством?

— Живёт она...Оторва, хулиганка, пьяница. Допрыгаешься.

— Ой, вот тока не надо. Твои морали не могут.

— А надо?

— Чего?

— Помогать.

Сопение в трубке свидетельствовало о наличии мыслительного процесса в забубённой Юськиной голове. Процесс завершился глубоким вздохом:

— Надо.

— Ты меня пугаешь. Ты решила прильнуть к мутному источнику творчества Кафки?

— Че-го?

— Шучу. Что случилось - то?

— Славка пропал.

Славка, недавно обрётённая Юськой «первая настоящая любовь» в ряду её бесконечных романов, пропадал с периодичностью в полгода. Она умирала, заламывала руки, закатывала глаза, принималась читать Асадова. (Если кто не помнит, был такой стихотворец-лирик, облекавший в наивные рифмы чувства советских граждан, строителей коммунизма, которые после трудового дня становились лёгкой добычей для всяческих чувствований, непосредственно не связанных с производственным процессом возведения несущих конструкций новой жизни. «Они студентами были. Они друг друга любили. Комната в восемь метров — чем не семейный дом?!»).

По причине восковой спелости её сердца, видавшего всякое (самое время собирать урожай), Асадов не приносил утешения. Тогда она обратила свой взор к лучшим образцам соцреализма. Предательство сыном отца, братоубийство, репрессии, политзаключённые, казни партизан — весь этот воспитательный литературный материал бодрил её. Может быть, по контрасту с относительным благополучием собственной жизни. В конце концов, мелкий скандал с разбитием и так уже треснувшей чашки и злой взгляд, брошенный напоследок навсегда уходящим хахалем, — чепуха, в сравнении с драмой семьи Павлика Морозова.

— Давно пропал Славка?

— Давно. Уже три дня.

— А ты, как водится, не можешь без него дышать?

— Не могу.

— Слушай, есть такая штука — кислородная подушка. В аптеке продаётся. Говорят, помогает даже умирающим. А ты, как я понимаю, живее живого.

– Иди ты... знаешь куда?
 – Направление можно выбрать или адрес конкретный?
 – Конкретный. Ты там, вроде, давно не была.
 – Ну, ты, подруга, даёшь. По-твоему, два года – давно?
 – А по-твоему – недавно, – засмеялась Юська. – Ты вообще думаешь, когда говоришь?
 – Я с тобой вообще думать не могу. Ты меня парализуешь.
 – Чем это, на минуточку?
 – Предсказуемостью ситуаций, в которых оказываешься. Думалка не нужна.
 – Это комплимент или мне обидеться?
 – Юська, я тебя люблю.
 – Я тебя тоже, – она едва заметно пришептывала, отчего произносимое звучало чуть более интимно, чем требовал обычный диалог. Её Славок – Юрок – Петек это заводило.
 – Давай, я позвоню Славке?
 – Позвоню,... а то я не звонила. Он трубку не берёт.
 – На чём вы расстались?
 – Я заснула.
 – В процессе?..
 – Ну да. Директор, гад, гонял весь день. Ревизия у него!.. А мы-то тут причём? Магазин закрыл. Да я бы лучше сто раз у весов отстояла, чем этого козла ревизора ублажать.
 – Как это? Ты что, с ним...
 – Да нет, ты чё, обалдела? В другом смысле. То кофе ему принеси, то, блин, водочки откусать с малосольными огурчиками. Потом отдохнуть решил, так ему музыку подай. Ещё приятную беседу затеял. Я ему что, гетера?
 – Это он тебе сказал?
 – Он. Ты, говорит, Люсь, прямо гетера. Обругал, что ли?
 Юськой её называла маленькая племянница, тогда едва начавшая говорить. Теперь она заканчивала школу, а Юська так и осталась Юськой.
 – В том контексте похвалил. Разговоры водела, музыка была, кофе подавала. Вот только

симпозию не завершили. Если тебя не пугает ночь с малознакомым мужчиной как продолжение вечера, то он с полным основанием похвалил бы тебя ещё раз. Смотря как ты к этому относишься: как к похвале или как к ругательству.
 – Не темни. Он меня что, проституткой обозвал? – ахнула она.
 – Юська, остынь. У тебя библиотека в соседнем доме, спроси «Таис Афинскую». Потом решишь, как к этому относиться, гейша ты моя.
 – Так, а это ещё чего?
 – Не бойсь, не обижу, – сказала Лёля с полублатной интонацией.
 – Да ну тебя...Какая, ты говоришь, Таисия?
 – Афинская, Юсь. Таис.
 – Чё это её так обкарнали?
 – Чудо ты моё невозможное, давай, пока.
 – А Славка?
 – Да придёт твой Славка, куда он денется.
 – Я ему денусь, паразиту. Слушай, а ты чего звонила-то? Просто так?
 – Хотела спросить...Мобильник где-нибудь можно купить?
 – Моби-ильни-ик?.. Тебе зачем?
 – Для связи.
 – Что за связь, подруга? С кем связалась?
 – Владимиром зовут.
 – Ну-ка, ну-ка, что за Владимир?
 – Юсь, давай потом. Не знаю, что тебе сказать. У тебя когда выходной?
 – Послезавтра. Вечером я у тебя. Вино принести?
 – Неси. Только не ящик. А то знаю я твои аппетиты.
 – Обалдела? Какой ящик? Две бутылки за глаза. Ну три...
 – Тащи. Напьюсь – останешься ночевать.
 – А Славка позвонит?..
 – Ничего, крепче любить будет.
 – И правда, хрен с ним. Мужиков много, а ты у меня одна, подруга.
 – До?..
 – До!..

Продолжение следует

Нина Морозова

ХОЧУ ПРОСЛАВИТЬСЯ

Во дворе стоял «Ниссан»,
 Запыленный сильно.
 Я на нем и написал
 Пальцем свое имя.
 Вот и тронулся «Ниссан»,
 Синий, запыленный,
 Где я трижды написал:
 «Леня. Леня. Леня».
 Мимо книжного базара,
 Мимо нижнего бульвара
 Пусть по городу летит
 Мое имя – Леонид.
 Даже в загородной зоне
 Ртом колючим и зеленым
 Дуб прочтет, прошелестит:
 – Леня. Леня. Леонид.

КРАПИВА

Всё-то хвалится крапива,
 Что она нас укусила.
 А она нас подлечила,
 И чему-то научила.

Смотрю в окно:
 Первые упали капли,
 Жаркий воздух растолкав.
 И по-новому запахи
 Подоконник и асфальт.
 Вот и гром стрельнул из пушки.
 Так, что небо дребезжит!
 Все бегут. А вон старушка
 Сжалась вся, а не бежит.
 Дождик чем-то бьет по стеклам,
 Бросил молнии кинжал.
 Бабушка, беги, промокнешь!
 Мне старушку эту жаль.

Дождь прошел такой, как нужен:
 Двор и вымыт, и остужен.
 И не жарко никому.
 Голубь бегаёт по лужам:
 Не бывает он простужен.
 Я завидую ему.

ПРИМЕТА

Если в августе лук,
 Что от всех недуг,
 Надел рубах
 Пять штук,
 Надел жилет,
 Сюртук,
 Душегрейку
 И только тогда
 Лег в закрома,
 Значит, лютой
 Будет зима:
 Готовь и ты
 Потеплее шубейку.

Цветок мексиканский,
 Цветок дорогой
 В квартире казанской
 Цветок привозной.
 Но сердится мама,
 Что он третий год
 Ничуть не цветет
 И совсем не растет.
 А я догадался,
 За что он ей мстит:
 Наверно, по Мексике
 Очень грустит.

Рисунок Варвары Васильевой-Ботвиновой

КАТОК УПЛЫВАЕТ

Речка льдинами играет,
Мчится, не жалея ног,
Посмотреть, как уплывает
Деревенский наш каток.
Льдина льдину поддевает,
Льдина льдину задирает
И кружится, и ныряет,
Как гигантский поплавок.
А куда же их уносит? –
Спросит глупый мальчуган.
Я-то знаю: их уносит
В Ледовитый океан.
Вся вода течет туда,
Потому там столько льда.
Вот туда и уплывает
Разный лед из разных стран,
Потому и называют –
Ледовитый океан.

РАКОВИНА

Ночное море грозное
Швырнуло ее, розовую.
Катало ее днем
В прибое кружевном.
Потом ее две тети
Везли на самолете.
Она в вещах теснилась
И розово светилась.
В конце того же лета
Жила она у Светы.
Немного пожила,
И вот ко мне пришла.
В морях они – я знаю –
Пустыми не бывают.
Куда же делся тот,
Который в них живет?

Лейсан Фазуллина

Ученица седьмого класса татарской
гимназии №2 им. Ш. Марджани
г. Казани.

В НЕВОЛЕ

Слезу пустила матушка РЕКА,
Устали ВОЛНЫ бить в колокола:
Узорной паутинкой нефти
ДУША ее попала в сети.

Нет воздуха дышать, нет мощи,
Осела в сердце ГРЯЗЬ, покрыла очи.
И сердце еле-еле бьет тревогу,
Качая на волнах ПУСТУЮ ЛОДКУ.

Мечтая о защите и любви,
Тоскует каждый день она в НЕволе.
О ЧЕЛОВЕК! Ты руку протяни,
Спаси..., освободи ее от боли!
Спаси..., освободи ее от боли!

ГОРОД МЕЧТЫ

Сверкают золотом дворцы,
Блещат роскошные соборы.
Чудесный город Петербург,
Влюбилась я в твои узоры.

Здесь запах творчества, искусств,
Пропитаны им парки, скверы.
Прекрасный город Петербург,
Манишь прохожего без меры.

Я каждый уголок твоей души
Безудержно познать хочу скорее.
Старинный город Петербург,
Люблю тебя еще сильнее.

А над Невой разводятся мосты,
Закат за горизонт с печалью провожаю.
Так хочется обнять тебя в тиши
И прошептать: «Вернись еще, я знаю!»

Родился 8 декабря 1985 года в Казани, окончил школу №122, музыкальную школу по классу фортепиано, имеет коричневый пояс по каратэ. Окончил Казанское высшее артиллерийское командное училище, военный институт в 2008, по специальности командир артиллерийских подразделений и инженер-электромеханик. После окончания военного института по распределению был направлен в Новосибирск для прохождения службы в должности командира взвода – старшего офицера на батарее. С 2008 по 2013 проходил службу в Новосибирске, а затем под Новосибирском вблизи поселка Ярково на полигоне Шилово. С 2013 года по настоящее время проходит службу на Территории Республики Таджикистан, город Душанбе. Любит классическую литературу, исторические детективы Бориса Акунина, новеллы О. Генри.

Алексей Сермягин

СЛУЖЕБНОЕ ЖИЛЬЕ

Женился я, еще будучи курсантом пятого курса военного училища. Когда выпустился из училища и получил долгожданное звание лейтенанта, супруга моя была в положении, и в первом лейтенантском отпуске, как раз перед убытием в войска, у меня родился сын. И буквально через неделю после этого радостного события мне предписано было явиться в часть, находящуюся, как мне тогда казалось, где-то в далекой Сибири, для дальнейшего прохождения службы на должности командира взвода.

Неизвестность этой новой взрослой жизни меня, с одной стороны, манила, с другой – очень пугала. Поддержка родственников и моей дорогой супруги меня сильно ободряла, но я все же в сомнениях стоял на перроне. Жена целовала и давала последние напутственные слова перед долгим расставанием. Слезы наворачивались, но мы держались...

Поезд тронулся. Сутки с лишним пролетели незаметно, было ощущение, что я сел в трамвай и вышел на следующей остановке, все думал о предстоящей новой жизни... Прибыв к месту службы, я отправился искать остановку, нашел её быстро. Оказалось, что моя часть находится в центре города.

На контрольно-пропускном пункте уже знали, что приезжают молодые лейтенанты, и меня проводили в штаб части, где уже толпились такие же, как я, вновь прибывшие офицеры. Так мы простояли около часа, и нас завели в класс. Мы, будто школьники, расселись за парты. Пришел какой-то большой полковник (как оказалось, командир дивизии) и провел беседу на тему, как нужно служить и переносить все тяго-

ты и лишения военной службы стойко. Потом нас отправили в отдел кадров, мы отдали свои предписания, заполнили рапорта по образцу и отправились в общежитие.

А вот тут начинается самое интересно!.. Общежитие оказалось... для холостых офицеров, где в одной комнате живут по четыре-пять человек, спят на обычных солдатских железных кроватях, туалет и душ на два этажа – к чему нас и готовил командир дивизии: тяготы и лишения службы. Заселился я в комнату еще с двумя старшими лейтенантами, которые, как мне тогда казалось, были взрослые и опытные...

После обеда я пошел опять на службу и там узнал, что мое подразделение, в которое меня распределили командиром взвода, находится на полевом выходе, да еще не на местном полигоне, а на полигоне другой части, в другом городе. И нас всех, кто должен убыть на полигон, уже ждет капитан, который повезет нас туда. Нам дали сутки на сборы, и на следующий день мы должны были выдвигаться туда. И так один день я переночевал в своем общежитии и выдвинулся к своему подразделению. Во главе с капитаном мы сели на пригородную электричку и часа за три доехали до назначенного места, где нас уже ждал автомобиль «Урал». Капитан показал нам палатки, в которых разместились наши подразделения, и, когда я вошел в офицерскую палатку, меня встретил старший лейтенант, на должность которого я приехал. Он усадил меня и сразу предложил покушать перловую кашу из сухого пайка. С дороги она показалась мне очень вкусной и сытной.

Месяц сборов пролетел незаметно, и мы вернулись в часть, где я озадачился: как мне получить служебное жилье? Ведь я женатый молодой лейтенант, и мне положено! Но оказалось, жилья нет, все квартиры и комнаты заняты, и даже командир полка провел с нами беседу, чтобы мы не перевозили пока сюда свои семьи. Я все это рассказал жене, но она сказала, что с жильем или без, но она с сыном скоро придет ко мне.

Через месяц я поехал на перрон встречать семью. Радость встречи была просто невероятная, как будто мы не виделись не два месяца, а как минимум двадцать лет. Служебное жилье нам по-прежнему не дали, и нам пришлось заселиться в гостиницу спортивного клуба армии, которая находилась на территории военного городка. Гостиница хорошая, но со своими тяготами: к примеру, готовить в комнате запрещено, а кухни нормальной не было, потому что там останавливались спортсмены, приезжавшие на соревнования, а для семейной жизни она была не приспособлена. Я постоянно пропадал на службе, а как справлялась жена с двухмесячным ребенком, я просто не представляю...

Так прошел еще месяц, никаких подвижек в получении жилья не предвиделось, а деньги, которые я получил, как подъемное пособие, стали заканчиваться. И вот супруга принимает решение, которое будут помнить по прошествии многих лет. Даже когда мы уже переведемся в другую часть, даже когда будем служить за границей, нам «припомнит» это жена одного полковника, которая выписывала нашу первую служебную комнату.

Одним словом, супруга укладывает все вещи, берет с собой чемоданы, ребенка, коляску, бутылочку, смеси и пюрешки, подгузники и приходит к штабу полка. Заходит с ребенком и всем своим скарбом в приемную командира полка, открывает дверь в кабинет командира, заносит туда все, раскладывает бутылки, смеси на стол для совещаний, командир наблюдает за происходящим.

— А что здесь происходит, кто-нибудь может мне объяснить?

— Я приехала к мужу, он здесь служит, а жить нам негде, поэтому я буду жить здесь, — отвечает супруга.

Тут командир полка спрашивает: кто муж, где служит и т. д. Вызывает меня в кабинет и обещает что-нибудь придумать.

— У меня в кабинете, сейчас лейтенант с женой. Им нужно дать комнату в общежитии, — говорит он кому-то по телефону, через несколько мгновений вешает трубку: — Идите в домоуправление, Вам дадут жилье.

Едва не прыгая от радости, мы вышли из кабинета. В домоуправлении нам тут же оформили договор на комнату в общежитии. С документами на руках мы

подходим к нашему дому. Заведующая общежитием, как-то странно улыбнувшись, говорит:

— Добро пожаловать, заселяйтесь. Ваша комната пятьдесят три, на третьем этаже.

Поднимаемся мы, подходим к двери, а она закрыта.

— Где ключи от комнаты? — спрашиваем у заведующей.

— А ключей у меня нет — отвечает она, — В этой комнате живет человек, хотя уже не имеет права здесь проживать. Но полгода выселить не можем. Если сможете, заезжайте, комната по праву ваша, — и женщина удалилась.

Что нам делать? Принялись барабанить в дверь. Через некоторое время нам открыл мятый человек, вероятно, с жуткого похмелья. Мы ему объяснили, кто мы такие, зачем пришли. Он велел нам ждать пять минут, закрыл дверь. Мы думали, он больше не откроет, нас не пустит, но через пять минут он вышел одетый и, не сказав ни слова, ушел.

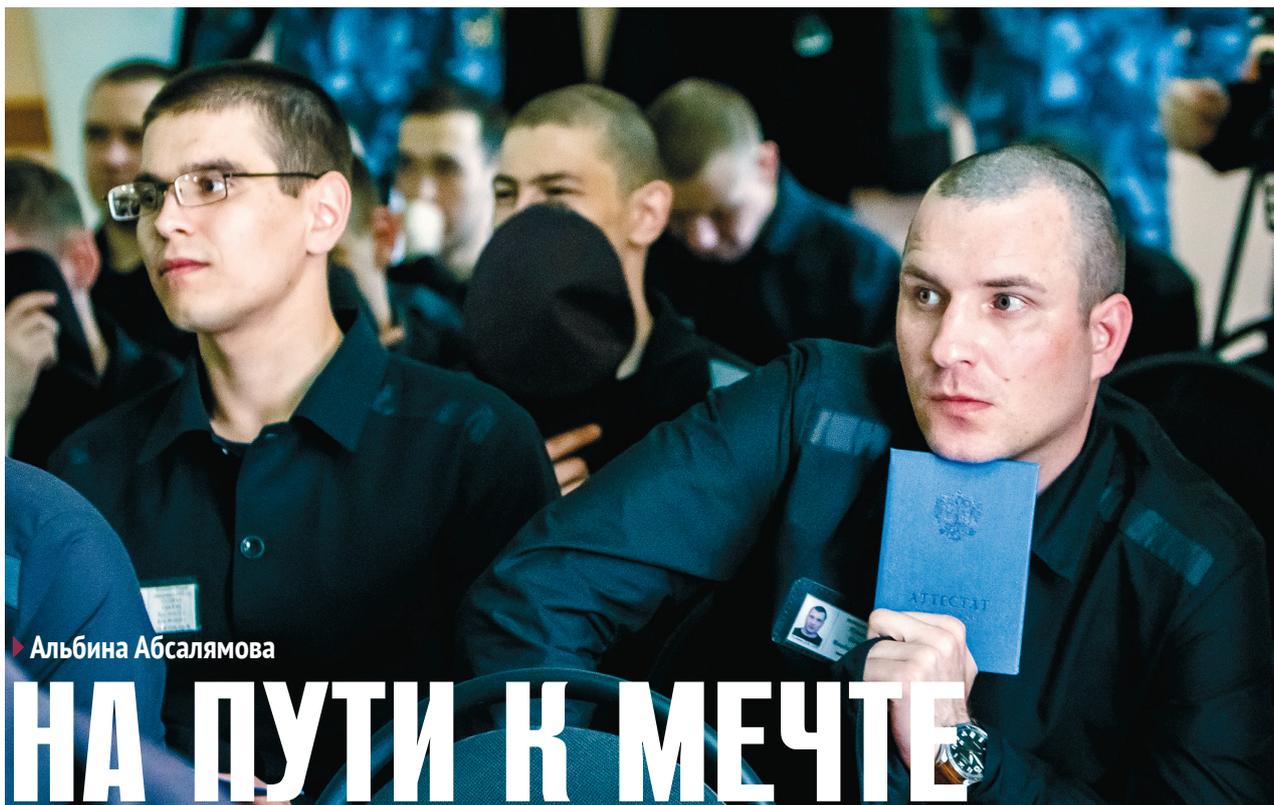
Когда мы вошли, перед нами предстала неприятная картина: вещи разбросаны, на полу детский горшок, а в нем какая-то каша, но это еще не самое страшное. Стоило нам открыть шкаф, на нас просто посыпались полуторалитровые бутылки с желтой жидкостью внутри (прежний жилец, похоже, не пользовался туалетом)...

...Заехать в нашу комнату мы смогли только через неделю. Мы там все выгребли, вычистили и оклеили новыми обоями. Вещи предыдущего жильца мы вынесли в общий коридор и сложили аккуратно в уголке, думая, что вскоре он за ними вернется, но он там больше не появился.

Позже от соседей мы узнали, что до нас в комнате жил капитан с женой и дочерью, но в один момент жена от него ушла и забрала с собой дочку. Капитан перестал ходить на работу и через полгода его уволили, но он так и продолжил жить в общежитии и пить, даже из комнаты не выходил. О нем, как оказалось, все уже забыли, пока не пришла к командиру моя жена и не потребовала комнату.

Наконец, моя семья оказалась в более менее нормальных условиях, нас это радовало. Я служил, жена занималась сыном. Но иногда я вспоминаю того капитана, думаю, где он и что с ним. Меня терзало, что мы его оставили без крова, выбросили на улицу. Что же он такого сделал, что жена решила от него уйти? Говорят, он был на хорошем счету, не выпивал... Однажды супруга сказала, что, возможно, мы спасли ему жизнь. Если бы не пришли и не постучались, он бы умер там... А сейчас, быть может, жизнь его наладилась. Все же служба в армии учит брать себя в руки.

Постепенно его пожитки растащили жильцы общежития, а непригодное выбросили, дабы не захламлять коридор. ■

▶ Альбина Абсалямова

НА ПУТИ К МЕЧТЕ

Конкурс «И творчество рождается во мне...» среди осужденных проводится в республике второй год и уже вызвал определенный резонанс как со стороны общественности, так и среди самих участников, настоящих и потенциальных. Расширяется тематика конкурсных работ, жанры, стилистическая направленность. В этом году появилась новая номинация: конкурсантам было предложено порассуждать о том, какая она, их Мечта? Работ здесь оказалось не много (не так-то просто озвучить сокровенное!), но вот они, первые ласточки: авторы очень деликатно, по-доброму делятся мечтаниями о том, что для них по-настоящему дорого.

Так, Юрий Сивцов пишет: «Мне повезло с женой. А самое главное, у нас с ней общие интересы и мечта о дружной семье, состоящей из нас двоих и двух детей – мальчика и девочки (но это уж как сложится). И вот представьте: теплый вечер после знойного июльского дня, мы сидим на живописном берегу Волги и рыбачим. У каждого из нас в руках удочка. Мы молчим в обоюдном согласии. И дети сидят не шелохнувшись».

Мечта Ильмира Кударова – творческая, вдохновенная. «Живу, дышу, вяжу», – такие слова я часто повторяю про себя, сидя где-нибудь: то ли на подоконнике в конце длинного отрядного коридора, то ли приткнувшись на краешке дивана около телевизора, с вязанием в руках. Да, да, я вяжу. Об этом знают многие. Но этого (по большому счету) делать нельзя. Но вязать так хочется. Вяжать и мечтать.

Мечтать о будущем, смешно сказать, но оно у меня тоже связано с моим увлечением или, как сейчас принято говорить, хобби. Хочется открыть магазин-ателье изделий ручной работы...»

Читая эти эссе, полные жизни, светлых намерений и созидательной энергии, понимаешь: все не зря. Сбудутся и мечты, и стремления – во всяком случае, для этого есть все предпосылки.

...За прошедший с подведения итогов первого конкурса год мне довелось стать участницей ряда встреч, организованных дирекцией и педагогами вечерней общеобразовательной школы №36. Творческие вечера собрали как авторов, так и читателей, активных участников и молчаливых пока слушателей. Звучали стихи,

песни собственного сочинения, обсуждались вопросы, связанные как с литературным процессом в нашей республике, так и просто – обо всем на свете.

Хочется отметить несомненный творческий рост многих авторов-участников конкурса и этих встреч, видно, что общение не проходит

бесследно. Появляются новые сюжеты, строчки, образы, источники вдохновения. Первые публикации. Так, в №9 журнала «Идель» за 2016 год была опубликована подборка, составленная по результатам прошлого конкурса. В этом году добрая традиция продолжена. Предлагаем вашему вниманию работы победителей конкурса. ▀

Ильдар Юсупов

МАТЕРИНСКАЯ МОЛИТВА

Не таким помнит сына мать,
Бессердечным, злобным, обманчивым.
Помнит милым, добрым, отзывчивым,
В сердце боль, обида, печаль!
Не таким воспитала его,
Знает, здесь чье-то вмешательство,
Зло дает своё помешательство,
И не тешит сердце её.
И надеется мать душою своей,
Что изменится сердце сына.
Что через боль тюрьмы и скорбей,
Господь даст понимание мира.

Ильназ Салахиев

ПАПА

От тебя лишь на память фото...
Часто очень на него смотрю,
Знаешь, папа, мне безумно жалко,
Что тебя увидеть больше не смогу.
Ты ушёл от нас, не попрощавшись.
Я мечтал лишь только об одном –
Что придёшь однажды ты с работы,
Сядешь с нами за одним столом.
Но, взрослея, осознал я:
Не вернуть тебя уже назад,
И, глядя на других ребят с отцами,
Я просто тихо завистью страдал,
И сердце моё в клочья разрывалось,
Что папа мой...
Он где-то в облаках...

Ильмир Кударов

ТРИ КЛУБОЧКА

«Живу, дышу, вяжу», — такие слова я часто повторяю про себя, сидя где-нибудь: то ли на подоконнике в конце длинного отрядного коридора, то ли приткнувшись на краешке дивана около телевизора, с вязанием в руках.

Да, да, я вяжу. Об этом знают многие. Но этого (по большому счету) делать нельзя. Но вязать так хочется. Вязать и мечтать. Мечтать о будущем, смешно сказать, но оно у меня тоже связано с моим увлечением или, как сейчас принято говорить, хобби. Хочется открыть магазин-ателье изделий ручной работы. Не успевайте. Может быть, еще именно вы станете первыми клиентами моего салона, расположенного на одной из красивейших улиц Казани. Вас затянет в него манящий запах свежо-сваренного кофе и мимолетный взгляд, брошенный на витрину. И вот вы, уже сидя за чашечкой ароматного кофе, обсуждаете заказ, перебирая клубочки пушистой ангоры, шелковистого мохера, упругого кашемира, мягкой итальянской альпаки... Да, да, вся эта роскошь мне знакома.

Ах. Но пока все это многоцветье элитной пряжи лишь только снится.

А мне остается жаккард серо-коричнево-черных тонов, да орнамент из этих же ниток.

Вот они — три клубочка, распущенных лагерьных свитеров и предвкушение работы. Есть идея, найдется и время для ее воплощения. Есть и заказ — маленькие носочки для племянника моего сокамерника, подарок к рождению. Чем еще может порадовать зэк. А душа-то радуется, и хочется?..

А Вы знаете, может быть, именно этот подарок и будет самым дорогим. Почему? Конечно, в наше время все можно купить, но нельзя купить душу, добрые помыслы и мечты, вложенные в маленькие носочки ручной работы: «Не повтори моей судьбы. Будь счастлив, МАЛЫШ. Благослови тебя, СУДЬБА».

Постоянно шептала молитву и моя абика, считая петли на спицах. Она научила меня вязать. В ее доме всегда пахло чистотой и едой.

Милая моя абика. Ты всегда в моей памяти.

Вот и готовы носочки. Получились. Еще бы, ведь голь на выдумку хитра.

А Вы знаете, сколько эксклюзивных детских моделей вертится в моей голове. Я думаю, когда у меня будет возможность вязать, я, первым делом, навяжу множество ярких разноцветных вещичек и отвезу их в приют. Раз малыши там, значит, у них нет и абики.

Кто-то назовет меня чудачком. Подумаешь. Отдай на эти носочки тысячу баксов, и все в порядке. «Ан, нет, — отвечу я, — душевный дар бесценен».

Пусть не будет печки в моем салоне, может быть, будет камин, но на полу будет лежать теплый домашний ковер, стоять завораживающий запах уюта и тихий пересчет петель на быстро скользящих в умелых руках спицах.

«Три клубочка». Заходите. Я буду Вам рад. Я живу, вяжу, творю, мечтаю. ■

Алексей Емельянов

68

Сажу я за столом
Под яркой настольной лампой.
Пишу привет Поэтам я,
Чернилами по листку черкая.
Хочу душою выразить поклон,
Только Поэтам будет ясно:
Свою душу открываю им,
О чём пишу и душу на чистый лист я изливаю.
Как от поэтов я далёк
И от нашей музыки общей.
Я Поэтам не знаком,
Я словно изгнанный без доспехов всадник.
Свои строки я Поэтам шлю,
Чтобы знали, что душевный вам поклон клоню,
Что я вас помню, что и не забываю.
Я от всей души благодарю,
Что Вы эти строки прочитали.
И был бы очень рад я,
Чтобы в ответ Вы мне
Четверостишье написали!

Юрий Сивцов

МОЯ МЕЧТА – МОЯ СЕМЬЯ

Так уж странно устроен человек. Сначала ему ничего не надо в жизни, а потом вдруг появляются мечты. Вот и у меня так. Жил как ветер – «перекасти поле». Никогда ни о чем не задумывался, да и некогда было, а может быть, время не подошло.

Зато сейчас спокойная жизнь закончилась. Начало положено. Я женился.

Совсем недавно. И я доволен, и я счастлив, и я верю, что все в моей жизни теперь пойдет на лад.

«На ком женился - то? – спросите вы, – на-верняка, на какой-нибудь...», кто ж за такого пойдет». «Вы не правы», – с полной уверенностью возражу я.

Моя жена Наташа – симпатичная, обая-тельная женщина. Опять чувствую усмешку на ваших устах. Не ухмыляйтесь. Это действительно так. Её черты обворожительны внутренним теплом, исходящим из её души. Для меня – она красавица. Мне повезло. А самое главное, у нас с ней общие интересы и мечта о дружной семье, состоящей из нас двоих и двух детей – мальчика и девочки (но это уж как сложится).

И вот представьте: теплый вечер после зной-ного июльского дня, мы сидим на живописном берегу Волги и рыбачим. У каждого из нас в ру-ках удочка. Мы молчим в обоюдном согласии. И дети сидят не шелохнувшись.

Насколько хватит их терпения? Досадливых комариков, жужжащих над нашими головами, отпугивает спрей. Лова нет. Ну и пусть. Зато происходит незримое, неведомое миру, семейное единение. Ура! Клынуло. Осторожно вытягиваю леску и вытаскиваю рыбку. Возгласы радости прерывают ловлю, но через мгновение возглас и плач малыша: «Папа! Отпусти». И мы отпу-скаем невольницу домой, к маме. Сами тоже отправляемся в небольшой, но уютный домик.

Пока живем здесь, в доставшемся от бабушки наследстве, находящемся на окраине Булгар. В доме нет лишних вещей, живем, можно сказать, по-спартански, но зато много детских игрушек и много вкусной еды, которая никогда не за-канчивается. Вас, конечно, заинтересует, что я имею в виду, говоря о вкусной еде. Вкусная – это полезная еда, а не всякие вкусняшки из

супермаркетов. Хотя без них тоже нельзя. Мож-но и ими побаловать себя и своих близких. Дети засыпают прямо на ходу. Намаялись за день. Завтра воскресенье, можно еще немного отдох-нуть. А потом и понедельник с новыми делами, заботами, планами. Нелегкой предстоит и вся неделя. Но теперь я выдержу. Не сорвусь.

Семья – моя крепость. Как хорошо, когда есть куда возвращаться, возвращаться с мыслями о том, что два ангелочка, с радостными возгласа-ми, повиснут на твоих усталых плечах, прильнут своими атласными щеками к шершавым щекам и защебечут всякую всячину, дурачась и раду-ясь твоему возвращению. Вот такая она – моя мечта. Я разделил ее на двоих с моей Наташей, теперь она наша общая. Но, наверное, я неправ. Она увеличилась вдвое. И я этому очень рад. ■

Василий Заскокин

И ТВОРЧЕСТВО РОЖДАЕТСЯ ВО МНЕ...

Средь суеты и серых будней –
Однообразных серых дней.
Среди пороков, разных судеб
В мечтах становимся сильней.
По вехам памяти шагаю.
Иду туда, где счастлив был.
Цветов названья вспоминаю,
И тех, кому я их дарил.
Ромашка, роза, одуванчик...
Букет сирени небольшой...
И вспоминаю детский садик,
И школьный вечер выпускной.
Тюльпаны, астры, незабудки
И колокольчики дарил.
Ну почему же те минутки
Простого счастья не ценил?
По вехам памяти шагаю.
Луна качается в окне.
Друзья на койках засыпают
И ... творчество рождается во мне.

Галина Слесарева

БРОДЯЩИЙ ДОЦЕНТ

Исторические эпохи, как и судьба каждого отдельного человека, весьма разнообразны, по-своему интересны, трудны, а порой даже трагичны. Что-то безвозвратно уходит, а что-то остается, приобретая новые черты. Например, канули в прошлое бродячие актеры, музыканты, цирки «Шапито», но ампула еще существует. Только теперь это явление называется «гастроли». Если спуститься в метро, пройти по пешеходной улице, например Арбату или Баумана, то можно наткнуться на играющих, поющих, рисующих, хотя не так часто, как это было в 90-е. Не так, кстати, давно даже Борис Гребенщиков позволил себе играть и петь в подземном переходе в Москве, чем несказанно изумил прохожих. Что поделаешь, время другое... Многое поменялось или исчезло, появилось что-то новенькое. Из старенького сохранились, пожалуй, бабушки, продающие нехитрые цветочки около магазинов. Пока они никуда не делись — сохраняют свой «статус кво». А к «новенькому» можно кое-что добавить, например извергнутых из жерлов больших и малых вулканов просвещения До-

центов, причем совсем недрыхлых, а полных энергии и непреодолимого желания учить, просвещать, готовить специалистов, заниматься научными исследованиями. Эти люди никогда не стремились к показухе, не писали статей и монографий только для того, чтобы «соответствовать», то есть попасть в Scopus, да и не по карману такие расходы. Они занимались тем, что любили и что было нужным тем, кто пришел в вуз получить действительно высшее образование. Так было... Теперь же несчастные преподаватели, доценты и профессора (их тоже не обошли), особенно кто перешагнул пенсионный рубеж, скитаются в поисках хотя бы четвертинки ставки или даже вообще любой работы, чтобы выжить, чтобы принести пользу (неисправимые романтики!). Ну чем не бродячие? Язык не поворачивается назвать их бродячими. Сегодня так чаще говорят о собаках, брошенных хозяевами. А ведь у наших-то и дом есть, и пенсия, которая все-таки не позволяет умереть хотя бы от голода. Вот только любимой работы нет. И еще не покидающее ни на миг чувство выброшенности за борт. Не каждый может с этим смириться.

Кому-то везет: о них вспоминают бывшие студенты. Встав на ноги, достигнув успехов, они не забывают тех, кто их учил. Тогда и раздается в давно молчащем телефоне волшебный звонок... и после вопросов о здоровье и уверенный в благодарности следует приглашение на работу. Жизнь продолжается!!!

... Недавно иду по тихой улочке, утыканной разными офисами. А навстречу мне знакомое лицо (на одной кафедре когда-то работали). Встретились, обнялись, засыпали друг друга вопросами. Оказалось, влачим более менее сносное существование. Я особенно не хвастаюсь, что еще работаю, даже не уточняю где. Интуиция подсказывает, что не надо откровенничать на эту тему. Поглядываю на вывеску, откуда вышла Мария Сергеевна (так условно назову мою коллегу), и читаю «Регистрационный центр». Видимо, под впечатлением от только что испытанных эмоций Мария Сергеевны поведала, как попала в очередную, далеко не первую, по ее словам, ситуацию. Прочитав объявление в газете, что делала достаточно регулярно, решила попробовать себя, забыв о всяких доцентских амбициях, в роли курьера и пришла на собеседование.

— Представляешь, — говорит она, — в этом подвале духота нестерпимая. Всех встречают лощеные лакейчики, предлагают «присесть». Ну, я тут же им про «присесть» выдала, объяснив, что приседают на три секунды на краешек стула или под куст по нужде. Очень удивились и насторожились. Вхожу в зал, а там человек двадцать бедолаг с какими-то обреченными лицами, сидят, уставившись в экран, откуда вещает Михаил Задорнов — развлекает своим остроумием. Невыносимо. Выхожу в коридор, где хоть какое-то движение воздуха, опускаюсь на стул. Тут же подскакивает лакейчик, сует в руки бланк анкеты и сообщает, что ждать надо в зале, то есть в том загоне, где душно и Задорнов, а здесь сидеть нельзя, не положено. Ин-

тересуюсь, кем не положено, и получаю ответ — регламентом. Начинаю откровенно издеваться, прошу показать его — этот регламент. Лакейчик остолбенел, но продолжал настаивать на своем. Я уже все поняла, но осталось любопытство — досмотреть «кино» до конца. Повинуюсь и жду вызова. Наконец усаживаюсь напротив собеседовательницы — что-то от зомби: вопросы дурацкие, но слова связываются почти правильно. Да, я еще анкету должна заполнить, а там, если все написать, себе ничего сокровенного не останется. Уточняю, не требуется ли указать дату наступления климакса. Собеседование сворачивается, хотя я обещаю рассказать о себе все, если вы доверите мне развозить документы вашей необыкновенно развивающейся и расширяющейся фирмы. Тут мне сообщается, что, если меня «выберут», я должна буду пройти обучение и купить специальную литературу. Только бы не расхохотаться, мимику начинаю контролировать. Представляешь, они меня выберут — не выберут. Ждите звонка.

Я смотрела на Марию Сергеевну и вспоминала, что она всегда была оптимисткой и чувство юмора ей не изменяло, хотя иногда мешало. А как относились к ней студенты! Сначала она пугала их своей строгостью, а потом — не оторвешь. Точно знаю, что именно к ней приходят те, кто учился у нее даже 30 лет назад. Конечно, не все, но именно те, кто ее сумел понять и оценить. Да всех и не нужно.

— Надо прекращать эти поиски, — без всякого трагизма в голосе заключила Мария Сергеевна. — Тут на днях мне позвонила одна из моих бывших студенток и предложила поработать в ее ведомстве. Надо подумать и соглашаться. Поработаем, пока мозг не отказал.

Посочувствовали друг другу и разошлись...

Хочется верить, что все сложится и на одного бродящего доцента станет меньше. ■

► Алёна Каримова,
переводчик

Ради́ф Жа́таш

Что внутри у меня – то снаружи! Вгляди́сь, не спеши:
На лице всё написано: мысли, дви́женья души.
Так читай же мой искренний мир – и клади себе в душу,
И последуй примеру, и... что-нибудь сам напиши!

Сад древних слов прекрасных – рубаи,
Пусть в нём цветут и письмена мои.
...Сююмбака – ногайский твой курай
Нас вдохновляет на слова любви...

С народом, О Аллах, меня не разведи!
С рождения душа на край родной глядит.
...В ней зёрнышко любви посеяно тобою –
Чтобы чистейших слёз и чувств ростку взойти.

БУДЕТ ТО, ЧТО ХОТЕЛ ПОЭТ

Не уехал Тукай в Оренбург, хоть его приглашали.
А уехал – согрелся б душою? Наверно, едва ли,
Потому что «везде светит солнце над миром всё то же».
Или, где-нибудь Солнце уже на Луну поменяли?

УДИВЛЯЮСЬ САМ СЕБЕ

Чем дольше живу, тем яснее мне видно, какой я плохой!
Я знаю, что ждёт впереди, но с дороги своей – ни ногой.
Юродивый бедный, ремёсел не знаю совсем никаких...
Нахал я! Кого только я не любил, потерявши покой...

НЕ ПОЗДНО ЛИ?

Потому что для солнца чужбины ты вечно чужой,
Из краёв, где растёт виноград, отправлялись домой...
Наши родичи к нам возвращались: – Родная земля!
Нам понятно теперь – почему наши предки остались с тобой!

ПОЭТ, ВЛАСТИТЕЛЬ МИРА...

Говорят, мол, Хафиза, что славу возлюбленной пел,
Как-то, нищим сочтя, вдруг владыка Тимур пожалел...
Души сколько стали богаче от песни Хафиза!
А сокровища где же, которыми, хан, ты владел?

НАШЕ СЕГОДНЯ

Ты из музыки создан сплошной – о божественный саз –,
Струны, силой такой наделил уж не Тенгри ли вас? –
...Ваших каменных душ –
даже саз пробудить не сумеет... –
Мы такие теперь... эх, Тукай, эх, Дердменд... мы такие сейчас.

НЕ ИЗМЕНИЛОСЬ

И Тукай путешествовал... лето стояло тогда...
Видел Астрахань, месяц – в Уфе... по другим он ходил городам...
И столицу увидел... Но трон повелителя духа
Стал по праву его – и отныне уже навсегда.

ЗВЕЗДЫ НАЧАЛА ВЕКА

Был Тукай одинок? К счастью, нет... Потому что всем сердцем
На Фатиха, Сагита в Казани он мог опереться...
И Гаязу писал: «Возвращайся!» Бывает же: несколько львов,
А на троне одном умудрились спокойно усестяся!

РАЗГОВОР

– Вот если бы Тукай с Дердмендом сумели встретиться сейчас
И вдохновенную беседу вели они за часом час?..
– Прекрасно было бы, но если б за этот стол, мой друг Гаташ,
С тобою мы не поместились – что если б не позвали нас?

СНОВА ОПЬЯНЕН

Всё испытал я на себе, когда душа была моложе,
И старость чувствуя, решил: ну, хватит – так теперь негоже...
Но в голову ударил мне шербет твоей улыбки сладкой,
От слов твоих медовых пьян опять, как мальчик, я, похоже.

ЕСЛИ НАЧНЁШЬ ПИСАТЬ «МЕМУАРЫ»

Не раз уличали в любви, в моих строчках увидев «признанья»,
Для критики пишу найдя, осуждения и назиданья...
«Возлюбленных» голос ни разу в защиту мою не звучал.
Надежда последняя – ты. Напиши же в моё оправданье.

СКОЛЬКО ЕЩЕ БУДЕШЬ МУЧИТЬ...

Почему не проходит любовь – стала мукой суровой...
Может, дальше счастливее буду, привыкну к оковам?
Ты – мое божество! Ведь и боги любимых рабов
Часто самым жестоким мученьям подвернуть готовы.

НЕ РАЗЛУЧАЙТЕ СО СЧАСТЬЕМ

Любовь нас делает слепыми... А я и рад,
Стал от любви совсем слепым я в пятьдесят –
Пускай любовь меня теперь под ручку водит,
И мне завидуют пускай и стар и млад!

ПОКА ДРУГИЕ НЕ УСПЕЛИ

Все песни, что есть у меня, – до тебя долетели, наверное,
Все тайны, что есть у меня, – расплескала бумага, наверное.
Дай весточку мне! Ни за что очерни мою песню, –
До сплетни успеи... и до «друга», конечно же, верного...

В КОТОРЫЙ РАЗ ЖИВУ?

Неужто я не в первый раз живу на этом свете?
Мне чудится: я видел всё и был всему свидетель...
Любовь, и та знакома мне... И погибал не я ли
Не раз, свобода, за тебя во мгле тысячелетий?

ЗНАЧИТ, И ПЕСНЯ «СООТВЕТСТВУЕТ ЭПОХЕ»?

Что он продался за богатство – поэта презирать ли мне?
Или воспеть хвалебный гимн, любя богатого вдвойне?
Боюсь, что даже песни нынче уже совсем другими стали:
Поэту славы не приносит страсть к бедной собственной жене.

БУДУЧИ РАДИФОМ-ШАКИРДОМ В ШКОЛЕ ПОЭЗИИ У ВЕЛИКИХ

Гордись: «у тебя голова лишь наукой была занята»!
И ты не сбежал, хоть учеба совсем не проста!
Полы намывал и наставникам верно служил,
И буквы уже различаешь, хоть лет тебе только полста.

Быть может золота, мой друг, ценнее золото стихов?
За вдохновенье, что даёшь, я заплатить сполна готов:
Мала ли, велика цена... то будет памятник тебе –
Не будет золота, тогда я сотворю его из слов.

О, сколько же еще тебя мне воспевать?
Седьмого неба ты постигла благодать...
Пойми, чем выше ты, тем дальше от меня,
Но если упадешь: я подхвачу опять.

► Гаухар Хасанова,
переводчик

Рузаль Мухаметшин

ПРЫГУН

Окончание. Начало в №8, 2017

* * *

Прыгун когда-то был очень красивым. Он был белоснежным. И мягким. Как в песне: «Хвост короткий, ушки до земли...»

Откуда мне тогда было знать, что девушкам надо делать подарки? И когда настал день, пришлось весь мир перевернуть в поисках подходящего. Что купить? Где? Почему это, а не то? А не все ли равно?..

И лишь в ГУМе нашлась игрушка, при виде которой я сказал себе: «Сойдет»...

Ребенок так веселился, когда я показывал ему, как скачет заяц: «Прыг, прыг». Он просто светился от радости, мой малыш!

Так и появилось это имя — Прыгун...

Прыгун теперь поизносился. Это как в детской загадке: видимо, заяц готовится к лету и начал менять цвет: то ли его первоначальная чистота впитала в себя черное дыхание судьбы, а может, его припорошила пыль будничной жизни, — но заяц посерел, покрылся катышками, огрубел. Его оторванное правое ухо Аида зашила крепкими стежками черной ниткой — спасибо ей! Один глаз Прыгуна выцвел, на месте второго — вообще пестрела пуговица; так что, если взглянуть в его мордочку, становилось немного жутко: правый глаз смотрит в потолок, а левый в пол.

Почему же сын так любит его?
Не знаю.

* * *

Справка будет готова только завтра. И еще хорошо, что мне удалось уговорить ту женщину. Ладно сбитая — широкая, большая, полнокровная. Не моргнув и глазом, она сразу заявила:

— Через две недели!

— Это чтобы вам достать готовую бумагу?!

Увидев, что она уже приготовилась рявкнуть: «Молодой человек, не задерживайте очередь!», я — была не была — закинул приманку:

— Мурат Дусай сказал, что вы быстро делаете...

В ее глазах появился свет. Не помню, сколько времени она изучала мое лицо, так что у меня уже поджилки затряслись, затем решительно сказала:

— Придешь завтра, — и почему-то оцупала свою грудь.

Когда мы ехали из архива домой, сына окончательно сморило, и я бережно перенес его из машины прямо на диван. А сам, надев наушники, устроился возле синтезатора...

Не знаю, сколько мне удалось поработать, но вдруг я услышал шлепки босых ног по линолеуму, и в проеме двери возник ребенок:

— Где Пыгун?

— Не знаю, — сказал я, стараясь не выбиться из творческого процесса.

— Пыгун дай!

— Ищи сам, куда ты его дел?

— Низаю, — сказал Амир, сделав ударение на первом слого.

— И я не знаю, — Наверно потому, что я находился в рабочем напряжении, мои слова были коротки и сухи, как телеграфные сообщения. — Папа работает. Иди поиграй, сломай трактор, например...

Но Амир заупряился:

— Нет! Где Пыгун?

Фу черт, я же оставил его в машине!

Валявшийся на столе телефон начал недовольно вибрировать. Не успел я подумать: Аида звонит! — как взгляд выхватил имя на экране — проклятье! — это был снова Сикорский! Пока я тянулся к телефону, Амир спросил еще раз, вперив в меня требовательный взгляд:

— Где Пыгун?

— Как дела? Продвигаются?

— Потихоньку.

Мой ответ, похоже, не понравился маэстро, и он пробурчал:

— Ты должен работать в полную силу! В эти дни для тебя существует только работа.

— Где Пыгун? — закапризничал Амир.

— Иди отсюда! — сказал я ему.

— Что? — не понял маэстро.

— Это я не вам, — внес я ясность.

— Где Пыгун?!

— Завтра в девять пресс-конференция, — сообщил Сикорский.

— Помню, — сказал я, скрежетнув зубами.

— Где Пыгун?!

— Увидимся, — завершил разговор маэстро, поставив точку в этом безумном диалоге.

— Катись отсюда! — обрушил я всю свою злобу и ненависть на Амира. — Не смей подходить к папе, когда он работает! — Я чувствовал, что мои глаза словно вылезают из орбит. — Не подходи, когда папа разговаривает по телефону! Я же для вас стараюсь! Неблагодарные свиньи! Иди с глаз долой, пока я не прибил тебя!

Когда я принес Прыгуна из машины, Амир плакал, сидя на полу возле балкона. Лицо его было красным, опухшим... и несчастным. Увидев игрушку, он подбежал ко мне. Захотелось обнять его, утешить, прижать к себе, — но сын не дался: выдернул из моих рук своего зайца и снова сел в углу.

— Пы... гун... пы... гунн... мой... мой... — приговаривал он, заикаясь и всхлипывая.

«Еще один день! Потом это закончится», — отстранено подумал я, пытаюсь приглушить возникшие чувства. Ноги сами собой понесли на кухню. Я включил синтезатор, надел наушники. Но для чего? Все равно я не смогу связать даже двух нот...

* * *

Он и сегодня проснулся раньше меня. Сквозь пелену еще не включившегося сознания я смотрел, как сын сел на постели, потом снова лег. И так несколько раз.

Он похож на меня как две капли воды: черные как смоль волосы, небольшой нос, длинные ресницы, в глазах — бездонная синь неба... Только характер у него от матери. Наплевав на ипотеку, оперу, на весь мир, он разговаривает со своим Прыгуном на только ему известном языке. Кем он станет? Каким будет? Что его ждет?

Двадцать первое число. Пятница.

Сегодня я иду получать свидетельство о разводе.

— Доброе утро, — сказал я, но мои слова ударились о равнодушие ребенка, погруженного в свою игру, и словно отскочили обратно. С грехом пополам, преодолевая капризы и ссорясь, — мы позавтракали и отправились в Дом печати на пресс-конференцию. Сдав Амира девушкам из редакции журнала «Идель», я полтора часа провел сам не свой (именно столько длилась вся эта трепотня): как там ведет себя малыш, не перевернул ли редакцию вверх дном, не позорит ли он меня? Даже не помню отчетливо, о чем я говорил в ответ на вопросы журналистов. Самое главное — я не забыл сказать: «Для раскрытия главной темы я, конечно, опирался на традиции татарского классического искусства». Впрочем, беспокоиться было не о чем: журналисты все равно заменят мои мысли своими словами.

А в это время, как потом выяснилось, Амир рассек бровь Энже, вырвал серьгу из уха Раисы и опрокинул горячий кофе на Ландыш...

Справка в архиве уже была готова. Я, высказав кучу благодарностей, помчался с нею в ЗАГС на улице Джалиля. Еще успею сегодня после обеда получить паспорт. Потом останется только заглянуть в банк.

Порядок!

* * *

— Зачем тебе нужен твой телефон? — сказал я, как только Аида сняла трубку. — Почему не отвечаешь на звонки?

— С папой все хорошо. Вовремя оказали помощь. И ему теперь легче. Ты для этого мне звонил?

Мне стало неловко:

— Ну да...

— Сегодня вечером сажусь на поезд.

— А твоя мать?

— Они, кажется, собираются снова сойтись...

Я издал серию нечленораздельных звуков.

— Ты меня уже много раз обманывал, давай говори, что хотел-то? — вдруг спросила Аида, вернувшись к началу разговора. Как ни странно, в ее словах я совсем не почувствовал враждебности, напротив, голос звучал очень тепло.

— Честно, только это, — соврал я.

ЗАГС закрылся на обед, и нас, стоявших в очереди, заперли внутри. Как вытерпеть целый час в здании, которое словно давит на душу всей своей тяжестью? Целый час! Теперь это слово звучало так же пугающе, как «вечность»!

По ковровой дорожке, украшенной красивым орнаментом, я поднялся по знакомой лестнице на этаж выше. Прикоснулся к знакомым перилам. Вдохнул знакомый запах дворца бракосочетаний, достойного закрепить союз Адама и Евы. О Аллах! Здесь все по-прежнему! Над головой сияют те же люстры. И на стенах мерцают те же подсвечники с электрическими свечами. И окна прячут свои лица за теми же портьерами. Но знакомые до боли красные двери теперь заперты, и их уже не открыть. И зеркала, словно нахмурившись, беззвучно укоряют меня: «Что ты здесь делаешь?..»

* Четвертная нота.

В этом здании четыре года назад мы, двое утпающих в невероятных чувствах людей, таких разных, совершенно не похожих друг на друга, — как земля и небо, огонь и вода, луна и солнце! — на вопрос работника ЗАГСа: «Согласны ли вы?..», — глядя в повлажневшие глаза друг друга, в один голос ответили: «Конечно!».

...Ребенок томился от безделья, строя рожи в зеркалах, стекающих по стене вдоль лестницы: раздувал ноздри, тарашил глаза, высовывал язык.

Амиру уже минуло два года. Скоро будет три. Два года пролетели, как семиминимы*. Чего я достиг за это время? Что обрел? И что я теперь теряю?

Пока я, постукивая пальцем по колену, вспоминал тему, над которой работал вчера, открылась дверь кабинета.

— По какому вопросу? — спросили меня.

— Мне нужно свидетельство, — сказал я, не успев смахнуть с лица грустную улыбку.

— Хорошо, — сказала симпатичная девушка, забросив справку в папку. — Приходите через две недели.

Но я не мог ждать две недели. Мне нужно сегодня же перечислить деньги в жилищный фонд. Сегодня же!

— Дорогая, я ведь от Мурата Дусая, — сказал я с тревогой в голосе.

Красавицу словно током ударило.

— Тем более, — взвизгнула она, словно отвесила мне пощечину, вскочила и выбежала из кабинета.

— Пачит, — сделал вывод Амир.

Открывая тяжелую дверь ЗАГСа, я ощущал себя преступником, освобожденным по амнистии. Вроде, не так всё пошло, как-то неладно это, неловко получилось. Но все равно хорошо, потрясающе хорошо!

На улице сегодня ветрено...

* * *

Пока Амир выковыривал изюм из губадии в детском кафе, я набрал номер Мурата Дусая:

— Ассалам, абзый!

— Вагалекум ассалам, брат, — ответила мне телефонная трубка. — Паспорт получил?

— Нет еще, — замылся я.

– Почему?

– Да тут... – начал было объяснять я, но тут же решил брать быка за рога: – У тебя лишние деньги есть?

Он хохотнул:

– Лишние, говоришь... Сколько надо?

Я назвал сумму, Мурат абый помолчал немного. Потом сказал:

– Заезжай.

Проблема, столь долгое время мучившая меня, была решена одним словом. Я свободно вздохнул: напрасно я так переживал. Всё это было ни к чему...

Подняв к бровям перемазанные шоколадом ладошки, Амир сказал:

– Аппау, – и провел ими по лицу.

* * *

Мы вышли из банка, и снова в мире не было человека, который бы радовался происходящему больше, чем Амир. Я еще не успел набрать в грудь воздуха свободы, а он уже топтался возле фонтана:

– Это акбаус!

Отвлекая меня от размышлений, зазвенел телефон. Но в этот раз он не смог ввергнуть меня в пучину еще более беспокойных мыслей.

– Добрый день, Сергей Валерьевич!

– Надеюсь, ты с головой ушел в творчество?

– Конне-е-е-шно... – начал было я, выдержал паузу и закончил: – нет...

– Что? – переспросил он и, кажется, собирался еще что-то сказать, но я не дослушал и отключился.

– Сын, не упади в воду.

Амир тут же встал на колени прямо на дороге, уперся левой рукой в асфальт, подпер подбородок правой и открыл рот: – Вот такой акбаус.

– Да, – рассмеялся я. – Молодец, сын.

– Я пасматю акбаус, – сказал он.

– Посмотри.

– Вот такой акбаус.

– Да, да, молодец, – ответил я.

Он, безусловно, должен стать лучше меня, добрее и умнее меня. Он не должен повторять ошибок, которые наделал я. О Аллах! Да не расплещется казан его счастья, да не замажется черным дегтем его чистая душа, да не погаснет свет в его глазах. О Рабби! Пусть его дороги будут светлыми, а жизнь честной...

Мой сын...

Он идет уверенными шагами к своему трехлетию. Три года! Три года! Где я был до сих пор? Чем занимался?

Сын...

Он уже никогда не будет таким, как сегодня. Через месяц он не будет таким, как сейчас. Через неделю... Он меняется прямо на глазах, вот сейчас, в этот момент, меняется: волосы становятся гуще, рост выше, крепнут его связки.

Он – мое продолжение, моя кровь.

Он – моя надежда на бессмертие.

Он – мой сын...

Хотя было уже шесть часов, но день еще был светел и казалось, никогда не стемнеет и никогда не настанет вечер. Солнце щедро рассыпало свои блики в парке «Кырлай».

– Ты когда-нибудь ел мороженое?

Амир начал старательно рыться в памяти.

– Оно очень вкусное, ты его пробовал?

Наконец, ребенок не выдержал и признался, сделав ударение на первом слоге:

– Ни-знаю.

– Думаю, нет, – улыбнулся я. – Тебе мама еще долго его не даст, до тех пор, пока не женишься. «Ато простудишься, ангина начнется...»

Мы углубились под густую сень парка. Обошли все аттракционы, покатались на всех лошадках

и машинках. Кружились, вертелись, соревновались! Скоро весь земной шар начал казаться мне большой каруселью. Амир был вне себя от радости: он прыгал и смеялся! И с каждым звуком его счастливого смеха, казалось, разглаживались ранние морщины на моем лбу, становилось меньше пробившихся там-сям седых волос, исчезали кровеносные сосуды, сеткой покрывшие мои глаза...

Допив очередную бутылку воды, Амир заплясал на месте от нетерпения:

– Сикать, сикать, сикать!

Я схватил его в охапку, расстегнул ширинку на брючках:

– Давай кверху, сын! Чтобы достать до звезд!..

* * *

У нас оставалась одна ночь...

Ночь, которая властвовала сейчас за стеклами авто. Всего одна.

Сзади посапывал Амир. Ресницы прикрыты. Голова свесилась на левое плечо. Тело расслаблено. Скоро приедем. И ты сможешь привольно раскинуться на диване.

Проехав сквозь полосу прилипающего к окнам света, я завернул с улицы Касимовых во двор. Остановился. Здесь очень тихо. Спокойно. Увидел топчущуюся возле подъезда женщину, не успел подумать: «кто это?», как она с безумным видом подбежала к машине и схватилась за ручку передней двери:

– Телефон тебе для чего?! Чуть не убил меня, сволочь!

Нетрудно было по голосу узнать Аиду.

– Тихо, не верещи, ребенка разбудишь! – сказал я, стараясь сохранять спокойствие.

Но ополоумевшая от страха женщина продолжала кричать:

– Где он? – и, не дожидаясь ответа, начала с шумом открывать и закрывать двери машины. В другое время я, конечно, тяжело пережил бы такое.

– Спит, – сказал я.

Аида схватила ребенка на руки, начала целовать, прижимать к себе и, наконец, расплакалась. Амир неохотно открыл глаза, еще не осознавая, что тут без

него произошла революция, затем на его сухих губах появилась улыбка:

– Мама.

– Ты завтра как бы сказала приедешь, – сказал я, не соображая, что слова выстраиваются в какое-то кособокое предложение. Но последовавший незамедлительно ответ заставил меня прикусить язык:

– Тебя не спросила!

Аида опустила ребенка на землю, вытерла слезы, которыми залила щеки и брови Амира, одернула на нем одежду:

– Пошли домой. Какую красивую рубашку я тебе купила!..

– Папа, пасли, – протянул мне Амир свою руку. Я почувствовал, как в горле сел комок.

– Нет, – сказала Аида. Ее мнение было категоричным: – Папа не пойдет.

– Может, зайдем сначала в дом?

– Надо успеть на метро.

– Папа, пасли.

– Я сам вас довезу.

– Не надо.

– Папа, пасли.

– Нет, у папы много работы, пусть работает.

Они начали потихоньку отдаляться от меня.

– Папа! – заволновался сын.

Их фигуры словно плыли в свете городских фонарей.

Амир уже плакал:

– Папа!..

Дернувшись к нему, я почувствовал, что на что-то наступил. Под ногами валялся Прыгун. Захлопнув дверь машины, я поднял игрушку, стряхнул с нее пыль.

– Папа! – плакал сын.

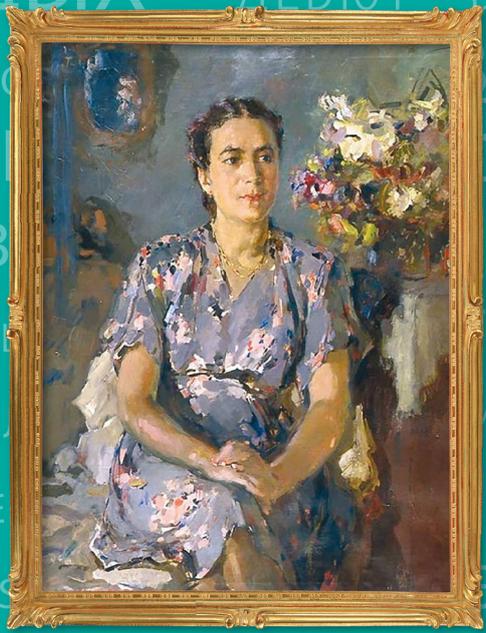
Я поднял голову и увидел, что Аида возвращается. Невольно я подался ей навстречу.

– А я все не могу понять, почему он капризничает, – сказала она, вырвав зайца у меня из рук. – Прыгун ему нужен... На! – повернулась она к Амиру: – И больше не теряй.

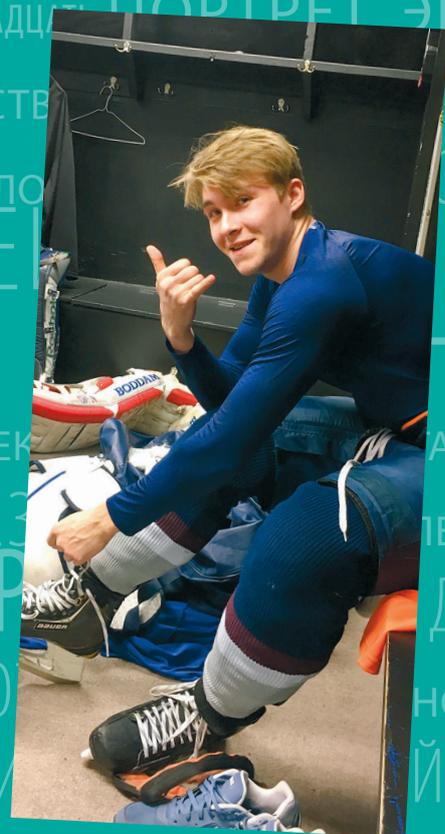
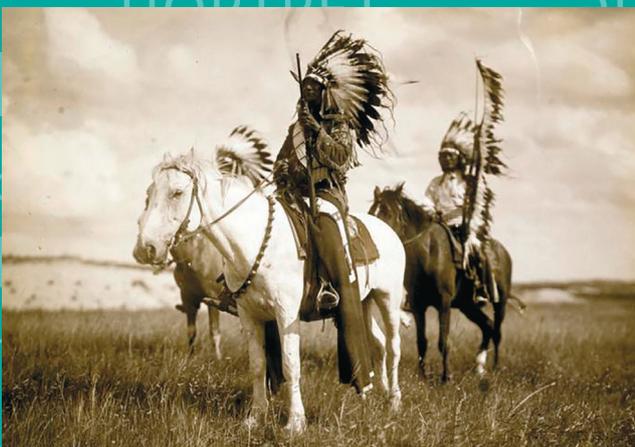
Мальчик тут же успокоился. И они снова ушли в полосу света.

А я остался стоять один в темноте. ■

Казань, ноябрь 2015, июль 2016, февраль 2017

- > ПОРТРЕТ ЭПОХИ
- > КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ
- > СПОРТФОЛИО
- > НОВАЯ ВОЛНА

► Марат Сафаров

Мунира Булатова. МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ НА ФОНЕ ПОРТРЕТА

Казань. 2000 год. Строгие комнаты музея-квартиры Мусы Джалиля. Рассказ экскурсовода о предвоенном городе, друзьях и родных поэта. И о доме, где провели долгие годы Фатима Ильская, Халил Абжалилов и многие другие корифеи казанской сцены. И ненароком реплика – в этом легендарном доме на улице Горького, д. 17 еще ныне живет современница Джалиля – знаменитая певица, народная артистка России Мунира Булатова.

Баки Урманче. Портрет Муниры Булатовой. 1947 г.

Как говорила в таких случаях Анна Ахматова: «встреча-невстреча». В ту пору я искал и легко находил людей, знавших Мусу Джалиля. Они были живы: в Москве, участница литературного кружка Джалиля Рауза Кастрова; по казанским улицам еще ходил великий тенор Усман Альмеев.

Но в 16 лет еще нет журналистской смелости, а потому зайти к Мунире Закировне просто так не пришло тогда в голову. Не было и провожатых в её дом.

Через несколько лет один за другим все ушли. Двери в прошлое замкнулись. И бурные 30-е гг. можно узнать ныне при посредничестве документа, разглядывая старые фотографии, вчитываясь в пожелтевшие газетные публикации.

Но век Муниры Булатовой вместил в себя не только одну эпоху: её сценический триумф, казалось, не имел конца. Возраст, болезни, неизбежные смены эстетики и вокальной техники, уходившие и приходившие режиссеры и дирижеры – ничто не могло поколебать величия и успеха этой певицы.

Она была младшей в плеяде создателей татарского оперного искусства. Марьям Рахманкулова, Зюгра Байрашева, Сара Садыкова, Асия Измайлова, Галия Кайбицкая – они пришли на сцену еще в 20-е, долго до открытия в Казани оперного театра и со всей энергией первых послереволюционных лет создавали новую для татар музыку. Мунира – из другого времени, когда татарская опера уже отрывалась от

жанра музыкально-драматического спектакля и обрела классические формы. А если сказать по-иному: она стала подлинной певицей Назиба Жиганова. Еще с его первой оперы «Качкын» («Беглец»). Недаром, композитор считал её лучшей исполнительницей сложной, драматичной партии Тугзак из «Алтынчеч».

Её оперные партии слушали не только в Большом театре, и в Мариинке (тогда Кировском театре), и в Большом зале Московской консерватории, но и в отдаленных колхозах Татарстана. Тогда еще эстрада не заместила собой всю татарскую культуру, а классическое искусство, напротив, не изолировалось на

незаурядного Хуснуллы Валиуллина. Работала она и с Мансуром Музафаровым, и с Александром Ключаревым, участвовала в искрометных музыкальных комедиях Сары Садыковой.

Состоялись и европейские партии, и русская классика. Романсы Глинки, Даргомыжского, Чайковского, Рахманинова, песни Шуберта, Шумана, Брамса, Грига. Под руководством любимого московскими примами дирижера Александра Мелик-Пашаева в Большом театре с успехом прошла «Пиковая дама» с Булатовой в партиях Миловзор и Полины. А её Хабанера из «Кармен» стала легендой!

Долгий сценический путь помог сделать и сохранить записи и съемки – голос Муниры Булатовой с нами и поныне.

А начало судьбы – в северном портовом Архангельске, куда переселилась из старинного села Янгильдино (тат. Кармыш) Чебоксарского уезда Казанской губернии семья Бикбулатовых (именно такова подлинная фамилия будущей певицы). Хотя в Архангельске татарская община и была невелика, но просторная деревянная мечеть действовала с 1905 года и джадидский мектеб сохранился в порядке – там началась учеба маленькой Муниры. Казалось бы, деталь: крестьянская родословная и мектеб, но корни безупречной татарской сценической речи

Её вообще часто считали лучшей. Интеллигентная, стильная, артистичная – Мунира Закировна и в опере передавала загадочный и не переводимый на другие языки татарский моң.

престижных академических площадках. Все пересекалось, органично дополняло друг друга. Голоса задорных певиц-народниц под аккомпанемент гармонистов звучали по казанскому радио столь же часто, как и изысканное меццо-сопрано Муниры Булатовой. Да и музыку титанов-антиподов Жиганова и Яхина тогда понимали в разных залах самые разные люди, хоть и спорили, что-то воспринимая сразу, а что-то лишь спустя время.

В этот золотой век татарского искусства рядом с казанскими композиторами творила Мунира Булатова. Был и яхинский шедевр «Киек казлар», и жигановская Хаят из оперы «Джалиль», и Разия в «Самате»

Муниры Булатовой, видимо, здесь и кроются. В семье говорили на литературном языке, ведь старый Кармыш относится к поселениям казанских татар (сейчас это Козловский район Чувашии, совсем недалеко от Казани), да и новометодные учителя в Архангельске не чурались вести уроки татарского.

Потом было возвращение в родное Поволжье, Казань, индустриальный техникум, причудливый путь со свечного цеха завода им. Вахитова к профессиональной музыке. И поворотный момент – Татарская оперная студия при Московской консерватории, где повезло с педагогом – Марией Владимировой (1879-1965), сестрой гремевшей тогда по всей стране певицы Валерии Барсовой. Повезло и профессионально: Владимировна, в свою очередь, училась у опытных итальянских педагогов, включая Умберто Мазетти, и передала своей татарской воспитаннице секреты бельканто. И по-человечески: в чужой еще Москве Мария Владимировна фактически стала Мунире второй матерью.

Но Москва очень быстро стала родной.

... В мае 2014 года мне с друзьями удалось провести камерный концерт, посвященный 100-летию Муниры Булатовой в стенах Дома Асадуллаева в Малом Татарском переулке. В исполнении московских артистов Раисы Сиразиевой, Рафии Низаметдиновой, Фаурии Саяховой, ансамбля «Чишмя» прозвучали произведения из репертуара Булатовой. Песню Захида Хабибуллина «Сагыну» на стихи Мусы Джалиля исполнял весь зал... Звучал на нашем концерте и её сбереженный голос. Все символично и закономерно. 80 лет назад среди других молодых студийцев Мунира Булатова выходила на сцену Татарского клуба им. Ямашева, как

тогда именовался Дом Асадуллаева, и здесь её тепло принимала довоенная московская татарская публика.

Но наши музыкальные истории о Мунире Булатовой пора вести, разглядывая замечательный портрет певицы, созданный Баки Урманче в 1947 году. Знаменитый портрет этот находится в Государственном музее изобразительных искусств Республики Татарстан, являясь украшением коллекции картин великого татарского художника.

Портрет запечатлел звездное время Муниры Булатовой, кульминацию её долгой жизни. Концерты с Козловским, Павлом Лисицианом, и даже с экзотичным Полем Робсоном. Были и разочарования: в результате театральных интриг не удалось воспользоваться приглашением на престижный тогда музыкальный фестиваль «Пражская весна». Руководство приказало оставаться дома, исполнять текущий репертуар, но на сцену выходили другая знаменитая певица и другой состав... А ведь из Праги можно было, подобно Галине Вишневской и другим советским

вокалистам, перешагнуть границу разделенной Европы и заявить о себе за пределами соцлагеря. Оперных артистов из СССР после войны ценили западные импресарио, а Министерство культуры все чаще стало отпускать на гастроли.

В случае с Булатовой этого не произошло. Гастроли были, но проходили они по Румынии, Болгарии, Монголии, в театрах и залах советской Средней Азии и Закавказья (там неизменно сопутствовал триумф). А сказочная Прага все же придет – позже и иначе: долгие годы Мунира Закировна возглавляла казанское отделение общества советско-чехословацкой дружбы и часто ездила на берега Влтавы.

Вообще склонность к общественной работе в ней ощущалась всегда. И созданный Мунирой Булатовой в Казани Дом актера, и руководство Татарским отделением Всероссийского театрального общества – доказательство тому. Столичные величины из мира искусства её знали и ценили. Она умела найти общий язык в интересах республики и с

Екатериной Фурцевой, управлявшей советской культурой, «строго, но справедливо». Эпоху Фурцевой принято сейчас идеализировать. Но все было гораздо сложнее... Закономерное при блистательной карьере Муниры Булатовой звание народной артистки СССР так и не пришло (оно вообще давалось казанским артистам весьма скупно, насколько помню, из оперных лишь тенору Азату Аббасову). Будь Казань и стократно родиной Федора Шаляпина, в советской табели о рангах она проходила по разряду центров АССР, а не союзных республик. От этого и все очевидные проблемы – от званий артистам до финансирования. Мунира Булатова хорошо знала это и по своему непродолжительному руководству оперным театром (а в течение трех сезонов, в 1967-70 гг., был и такой факт в её биографии!) понимала все обстоятельства эпохи. Пост директора театра потребовал от неё не только мастерства в контактировании с Фурцевой, Фикрятом Табеевым и другими союзными и республиканскими чиновниками (а здесь пригодилось и её обаяние, авторитет, восточная мудрость), но и умение управляться с уже большой труппой – распределять роли, не допускать простоя. Надо было выдерживать и известный репертуарный баланс – включать русские и зарубежные произведения, но не забывать и о татарских операх и балетах; одновременно готовиться к грандиозному столетию Ленина в 1970 году, но и не прослыть ретроградом. Обиженных не было – во всяком случае в артистической памяти Мунира Закировна осталась справедливым директором. В театре солировали молодые талантливые певицы Зулейха Хисматуллина и Венера Шарипова, определившие целые эпохи в истории вокального искусства

Татарстана. Но Мунира Булатова всегда находила свою роль. Аристократичная актриса вне времени.

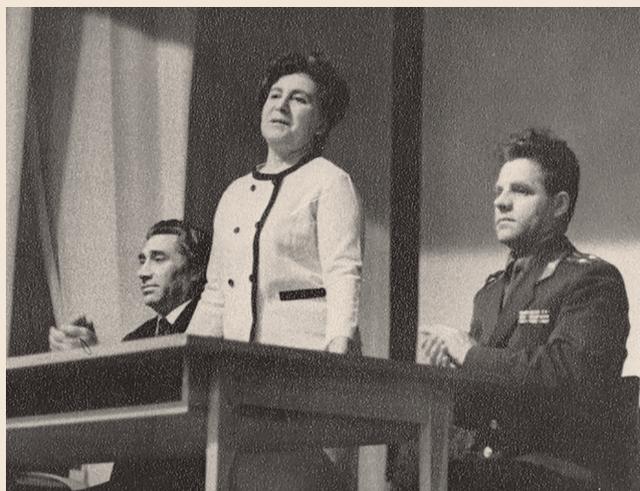
Тылом была семья, старшие сестры – Марьям, ставшая учительницей, и Суфия, работавшая в типографии. Трагически погибли любимые братья Усман и Шамиль; маленький сынишка Ильдар умер в годы войны. Незаживающие раны её долгой жизни. После войны было новое замужество с театральным администратором Сергеем Вейзе. Именно дочь, кандидат филологических наук Дания Булатова – авторитетный казанский искусствовед и тонкий исполнитель татарского камерного репертуара, стала ныне главной хранительницей памяти о своей великой матери. Её усилиями при поддержке оперного театра на Татарском кладбище установлен памятник Мунире Булатовой, есть и еще много идей по увековечению в Казани имени певицы. Дания Сергеевна Булатова в 2010 году, еще при жизни матери, получила за неё премию им. Фатхи Бурнаша, которой земляки из родной Чувашии удостоили Муниру Закировну.

А несколько лет назад в пространстве Казанского Кремля, благодаря Альбине Абсалямовой и её

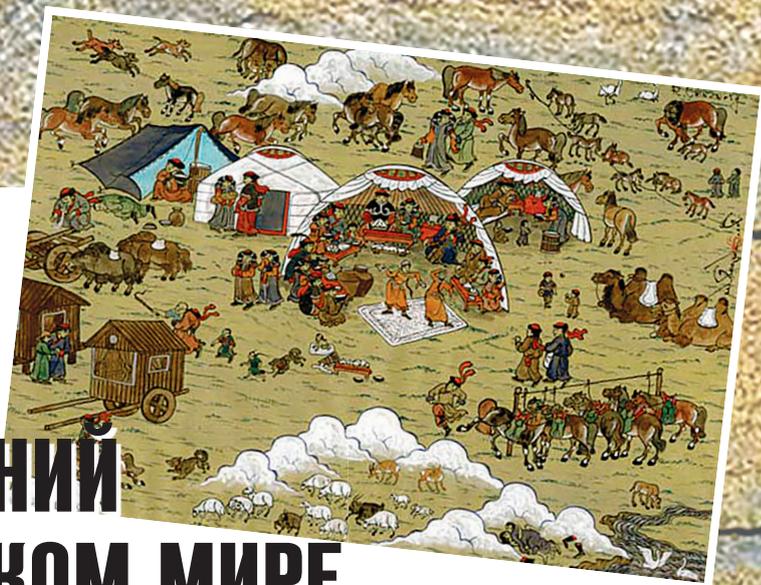
единомышленникам, облик Муниры Булатовой появился на знаменитой выставке «Вечный человек» – на поминании горожанам и туристам о деятелях культуры Татарстана – фронтовиках. В годы Великой Отечественной войны Мунира Закировна более 70 раз выступала перед солдатами Третьего Прибалтийского фронта, в частях Красной армии, в госпиталях и санчастях. На тумбе с биографией Булатовой была помещена поздняя её фотография, особенно любимая мной.

И есть портрет работы Баки Урманче. Здесь певице всего 33. А проживет она 97. Всегда звучала музыка, ставшая утешением и наградой. Не метафора это – до самого последнего дня. ▀

► **Лиرون Хамидуллин,**
лауреат премии им. Г.Исхаки

ОТРЫВКИ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕТЮРКСКОМ МИРЕ

Из тех, кто занимается сегодня настоящей исторической наукой и вдобавок интересуется историей древних тюрков, можно, пожалуй, назвать член-кора АН РТ, профессора, известного нумизмата Азгара Мухаммадиева, известного филолога и историка, академика АН РТ Мирфатыха Закиева, кандидата исторических наук и писателя Фаузию Байрамову. Иногда появляются отдельные труды на эту тему и у некоторых любителей-историков, интересующихся античным периодом жизни наших предков. К их числу можно было бы отнести известных писателей Нурихана Фаттах, Мусагита Хабибуллина, Султана Шамси. Из русских советских писателей Иван Антонович Ефремов ещё в 1920-е годы с одной экспедицией исколесил пустыню Гоби и степи Монголии в поисках следов исчезнувших динозавров. А попутно сталкивался и со следами исчезнувших древних людей. И в путевых заметках упоминал о находке могилы человека-великана, имевшего рост около трех метров.

ЛЮДИ-ВЕЛИКАНЫ

О существовании древних людей-великанов на восточных территориях напоминает мумия женщины, поныне хранящаяся в специальном музейном помещении в городе Урумчи в современном Китае. А после таких великанов с давних времен на этих территориях жили в основном тюркоязычные племена. И в течение двух тысячелетий там время от времени властвовали сплоченные «белоликие» уйгурские племена, создавшие в те же годы и тюрко-уйгурскую письменность. Есть ли какая-то связь с теми доисторическими

великанами и племенами, занявшими впоследствии те территории, в которых великаны когда-то обитали? И имеется ли какая-то связь с бывшими обитателями этих местностей на восточной окраине Азиатского материка и, как считают многие ученые, с людьми, оказавшимися в далекой Америке в период каких-то катастроф? Да, некоторые наши тюркологи находят наличие общетюркских слов в языках древних и ныне живущих обитателей Американского континента майя, сию, кечуа и других.

Другой исследователь дальневосточных земель сообщал в конце

1980-х о сохранившихся неких медно-бронзовых больших котлах, зарытых глубоко в полукаменистый грунт. Кто их оставлял? Те же великаны или люди, сменившие их на этих территориях?

АРАБЫ – ОТСТАЛЫЕ ЛЮДИ?

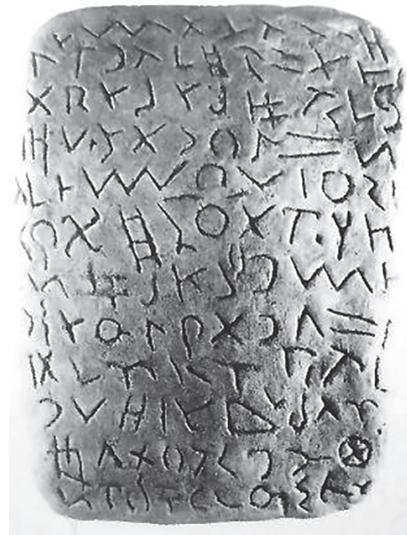
Вернемся с дальнего-дальнего востока на запад. Вернее, на западную оконечность нашего материка – на Пиренейский полуостров Европы. Там с начала VIII в. с 714 г. около шести веков существовало мусульманское государство Андалусия. Считается, что арабы-мусульмане

Северной Африки завоевали этот полуостров. В европейской истории это государство часто именуется Кордовским халифатом. Да, столица этого государства находилась тогда в городе Кордова. А современная знаменитая Гранада была столицей Гарнатейского эмирата.

С давних пор меня привлекает в истории этого государства наличие ученых-путешественников, интересующихся тюркскими народами восточной Европы. Преодолевая около пяти тысяч километров, они добирались до Причерноморских степей, до Дона, до Волги. Чего же они там, в местах обитания тюркских народов, искали? Может, интересовались тюркскими народами просто как ученые. Что-то же их заинтересовало?

А европейские ученые прошлых веков писали, что в этом халифате очень была развита система образования. Первые универсальные учебные заведения Европы были открыты именно в городах этого государства. А когда это государство было разрушено и мусульмане изгнаны оттуда, часть просвещенных

Орхонское письмо на камне

людей, покинув пределы будущей Испании, открыли в прибрежных городах Средиземноморья первые европейские высшие учебные заведения.

А Пиренейский полуостров с давних времен считался очень интереснейшим уголком земли. По современным историческим данным, до завоевания этой самой западной части Европы Римской империи в III-II вв. до н.э. там жили люди, говорящие

Древнетюркские петроглифы

на иберийском языке. В отдельных частях полуострова до сих пор сохранено это, можно сказать, доисторическое название. На северо-западе полуострова имеются Иберийские горы, протяженностью до четырехсот километров. Вдоль Средиземного моря тянутся леса с такими же названиями. Но самое интересное, что так

называемые иберы жили и продолжают проживать и поныне также на современном Кавказе. Часть Грузин и других народов Кавказа и поныне разговаривают на иберийско-кавказском языке.

Ещё в Советское время некоторые грузинские ученые писали, что в языке басков, проживавших в Испании, сохранилось множество слов, похожих по значению на язык некоторых грузинских племен.

И в истории вторичного, после римлян, завоевания полуострова современной Испании мусульманами кроется какая-то загадка. Может быть, это было возвращение иберийцев, вытесненных в свое время завоевателями-римлянами со своей родины в сторону Северной Африки через Гибралтар? И они, названные в некоторых учебниках истории «отсталыми кочевниками», за несколько веков проживания превратили этот мрачноватый уголок земли в рай, построив прекрасные города и райские сады. Вообще в европейской современной исторической литературе принято считать почти всех арабов немножечко отсталыми людьми. А ведь именно на территориях, где обитают арабы и их ближайшие родственники евреи, и возникли две мировые современные религии: христианство и ислам. И многие ныне почитаемые христианские святые были родом из тех мест, то есть до крещения они были арабами или евреями.

Вот что пишет относительно мусульман, завоевавших Испанию в начале VIII в., ученый-литературовед И. М. Фильштинский в предисловии к книге американского писателя и путешественника Вашингтона Ирвинга «Альгамбра»: «Завоеватели принесли в Испанию арабский язык и племенные традиции. В частности, замечательную поэзию, сложившуюся

ещё в доисламской, языческой Аравии, процветающую при дворах Дамаска и Багдада... Благодаря арабам Испания, а впоследствии и другие ближние государства узнали медицину, математику и астрономию. Арабы принесли в Испанию свои навыки в области мореплавания, ирригации, свою архитектуру и многие ремесла. Относительная веротерпимость арабов благоприятствовала сотрудничеству завоевателей и коренного населения... Так возник синтез культуры, создав предпосылки для её расцвета». То есть к началу европейского ренессанса средних веков непосредственное отношение имеет и Андалусское царство в Пиренеях.

И за время более пятисотлетнего проживания арабы там оставили много исторически важных архитектурно-строительных памятников. И это наследство вроде бы «отсталых арабов». Да, когда возникает вопрос об их житье-бытье, у нас их часто характеризуют как «отсталых». Долго я хранил в своем книжном шкафу книгу арабских стихов, сочиненных между VI и VIII вв. н. э. Книга стихов

выпущена в Москве в 1960-1970 гг. на русском языке. Неплохие были переводы этих стихов. И настоящие шедевры поэзии встречались там.

Ещё одна история, связанная с «отсталыми арабами», заинтриговала меня полвека назад, когда я купил небольшую книжечку из серии популярных изданий издательства «Наука» Теодора Адамовича Шумовского «Арабы и море» (1964). На основе сохранившихся древних источников и письменных материалов последних нескольких столетий он доказывает в этой книге, что арабы главенствовали не только в водах Индийского океана и Средиземного моря, но, возможно, намного ранее Колумба добирались и до берегов Америки. А до Индии и вокруг Африки их путь был давно проложен.

Наверно, и Пиренейский полуостров тогда арабы завоевали, используя корабли как со стороны Средиземного моря, так и со стороны Атлантического океана. Правда, другие считают, что они проникли туда через узенький пролив Гибралтар.

Индейцы сиу.
Фото начала XX в.

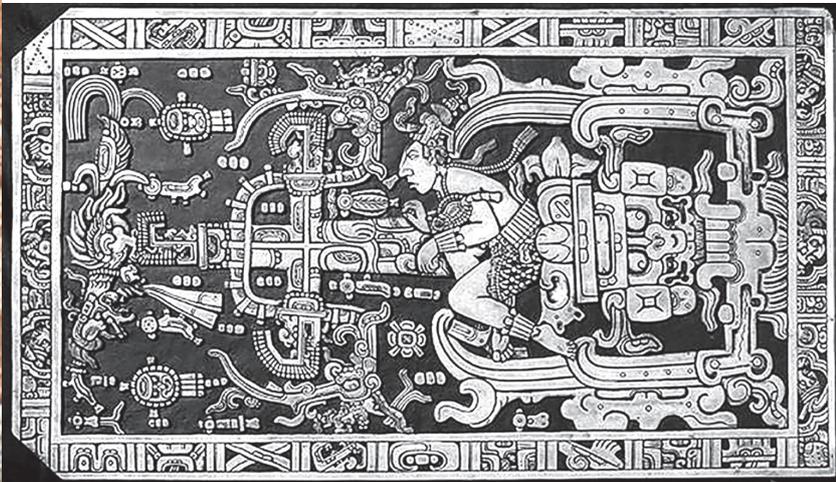

Пирамида индейцев майя

ВОПРОСЫ, ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ

Вернёмся к путешественникам, любителям «всё знать». Начнём с Дамаска — одной из столиц основного халифата. В X веке там жил интереснейший для нас учёный и путешественник Абул Хасан Али ибне аль-Хусейн аль-Масуди (в некоторых изданиях восточных авторов написано и как Масгуди). Араб, историк и путешественник. Автор более двадцати сочинений — важных исторических источников. Да, он писал и о славянах. И о наших предках оставил интереснейшие сведения. Путешествуя по «Хазарскому морю», его корабль останавливался, как предполагают исследователи его трудов, и у

столицы Хазарского каганата Итиля. И сообщил он в книге, посвященной этому путешествию, что булгары в словесном списке в этом каганате занимают второе место после хазар и что главы болгарского племени почти всегда занимают в этом государстве пост шада — второго лица после кагана. То есть если по-современному подойти к этому вопросу, то каган будет президентом, а шад — председателем правительства. И аль-Масуди вроде бы также пишет, что шад ведёт в этом каганате все государственные дела. И армия подчинена ему. Ещё одно важное сообщение можно прочесть в трудах аль-Масуди: в войсках халифата основную

Крышка саргофага индейца майя

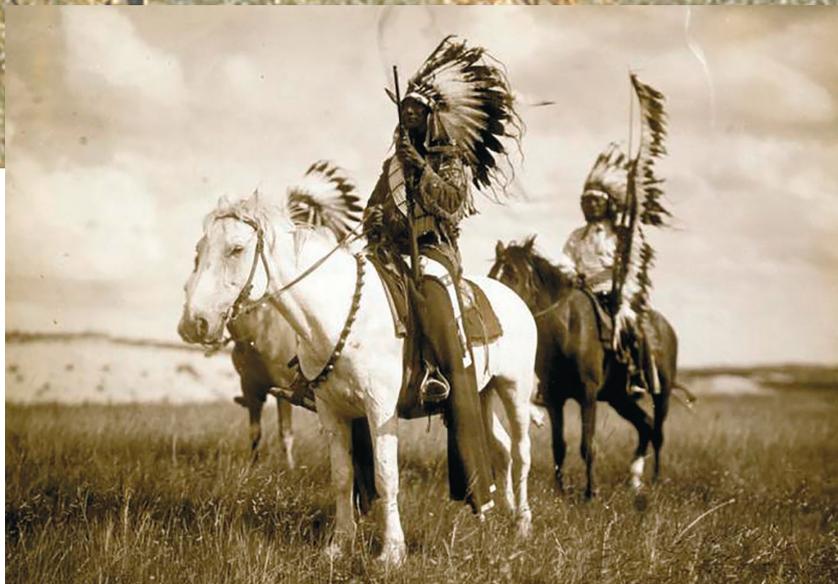
часть занимают тюркоязычные племена. Но в большинстве своем они невольники. А когда решается вопрос, кому из претендентов быть главой государства, большое влияние имеют именно военные.

О тюрках, проживавших в халифате, упоминается и в книге «Путешествие ибне-Фад-лана в Волжскую Булгарию». Это путешествие произошло в начале 20-х годов того же X века. В списке сопровождавших это посольство от имени главы халифата двое военных, имеющих прозвище Тегин-тюрк и Барс-булгар. Веком позже в Багдаде проживал и ещё один выходец из Поволжских мест — автор распространенной в халифате книги из семидесяти глав Сулейман бине Дауд аль-Сувар. Значит, он был родом из г. Сувар, столицы Суварского улуса Волжской Булгарии.

После этих сообщений аль-Масуди возникает вопрос: не было ли тюркоязычных воинов и среди войск Североафриканских арабов, завоевавших Пиренейский полуостров в начале VIII века? А ведь некоторые наши любители «хочу всё знать» предполагают наличие близких наших соплеменников по языку и среди североафриканцев. Например, в Египте. Да, этой страной с 1250 года, около трех веков, правили именно эти тюрки, воины-невольники, по-арабски прозванные мамлюками. При правлении мамлюков эта страна тоже процветала. Но некоторые почитатели древней истории предполагают наличие тюркоязычных представителей здесь ещё с доисторических времен, со времен правления этой загадочной страной фараонами. Кем они были, эти фараоны? Некоторые ученые предполагают, что они были пришельцами с других планет. Были они богами, вторят им другие.

Арабы-путешественники, арабы-ученые или поэты – выходцы из Кордовского халифата – после личных имен обязательно указывали, из какой они страны словосочетанием «аль-Андалусия». Самым известным нам путешественником из этой страны был, кажется, автор нескольких книг путешествий Абу-Хамид Мухаммад ибне Абдерахим аль-Гарнати аль-Андалуси (1080-1170). Он родился в Гранаде, столице Гарнатейского эмирата. Почти в сорокалетнем возрасте пустился в дальнее плавание, видимо останавливаясь по пути и в некоторых местах северного берега Средиземного моря. Например, в его трудах упоминаются и венгры. А в 1130 г. он оказался в Нижнем Поволжье, в г. Саксине, являвшемся одним из городов, находившихся под влиянием Волжской Булгарии (заметим, что, по данным наших ученых, почти в те же годы там какое-то время проживал и известный поэт Кол Гали). Прожил он в Саксине около двадцати лет, изучая язык и быт болгар и кипчаков-половцев. И возникает вопрос, не связано ли это увлечение его с поиском родственных племён. А затем он отправился вверх по Волге и прожил ещё несколько лет в главных городах Волжской Булгарии – в Булгаре и Биляре. Он также побывал и в русских землях, описал быт славян. И в ходе этого путешествия создал один из основных своих трудов, переведённых позднее на другие языки: «Путешествие Абу-Хамида аль-Гарнати в Восточную и Центральную Европу». По данным наших учёных, в этот труд он включил и некоторые сведения, почерпнутые из исторического сочинения болгарского историка Якуба ибне Нугмана «История Булгарии».

Хочется упомянуть ещё одного жителя Андалусии – Хисбая ибне Шафрута, еврея по национальности, придворного историка Кордовского

Вожди племени сиу. Фото 1905 г.

халифа Абдарахмана II. Он сам ли или по просьбе своего халифа в середине 950-х направил главе Хазарского каганата в г. Итиль письмо. Историкам известны только письма – ответы кагана Иосифа на его вопросы. Автор статьи об этих письмах, доктор исторических наук Искандер Измайлов в статье, помещенной в 4-м томе Татарской энциклопедии, пишет, что письма были написаны на еврейском языке (иврите?). Оригинал ответа кагана Иосифа обнаружен дважды (в 1577 и 1877 гг.) и неоднократно опубликован. По ответному письму кагана можно установить и круг вопросов Хисбая ему. Каган ему ответил, что действительно Хазарским каганатом руководит иудейская династия. Первым, принявшим иудаизм «царем» Хазарии был Булан. Приводится список городов и народов, входящих в этот каганат. Это письмо отправлено в Андалусию в конце тех же годов.

Здесь возникает несколько интригующих вопросов: откуда в X веке в Андалусии взялись евреи? Значит ли это, что и часть иудеев со своими сородичами арабами участвовали в захвате Пиренейского полуострова? Или попали туда уже позже? Откуда историк халифата узнал о существовании могучего тюркского каганата,

десятилетиями ведущего войну с захватническими силами Багдадского халифата? Кто был посредником-почтальоном в данном случае? Пока вопросов очень много, а ответов нет...

МЕСТА ОБИТАНИЯ ДРЕВНИХ ТЮРКОВ

Выходец из Андалусии Абу Хайян Асиретдин Мухаммад ибне Йосыф аль-Гарнати аль-Андалуси (1256-1334) тоже был родом из Гранады. Точные маршруты его путешествий мне неизвестны. Но известно другое: он, кроме «Повести об истории Андалусии» («Андалусия тарихы бэяны»), является автором ещё девяти книг. Притом четыре из них посвящены тюркским языкам и расселению тюркских народов. Предполагается, что автор был в некоторых городах, входящих тогда в состав Золотой Орды. Как пишет доктор филологических наук Наджиб Эмир (журнал «Совет әдәбияты», №12, за 1957 г.), изучивший его словарь арабо-тюркских слов, этот словарь состоит в основном из огузско-кипчакских слов, употребляемых в государстве Золотая Орда. И какая-то часть словаря состоит тоже из кипчако-половецких наречий, но применяемых только тюркским населением Египта – мамлюками.

В узбекском энциклопедическом словаре указано только, что в каком-то из этих трудов автора имеются сообщения о расселении тюркоязычного населения по миру. Имеется в виду, наверно, расселение тюрков на территории Евразии. В последние годы Абу Хайян аль-Андалуси жил в Каире и, кажется, похоронен там же. О нем я не нашёл свидений ни в Энциклопедическом словаре СССР за 1980 год, ни в наших энциклопедических томах. Наджиб Эмир также сообщает, что два экземпляра словаря Абу Хайяна сохранены в Истанбуле (один из них в архиве Истанбульского университета).

Только небольшая часть трудов этих путешественников переведена на европейские языки. На русском языке этих трудов крайне мало. Какой бы дополнительный материал почерпнули наши болгаристы, будь перед ними копии путевых записей того же араба аль-Масуди.

* * *

Например, ещё в 1960-х гг. был уверен, что со времен фараонов в Египте проживало какое-то количество тюркоязычных людей, что во многих прочтённых европейскими учеными древних папирусах иногда угадываются тюркские корни. Нурихан Фаттах говорил, что, если кто-то посвятит свою жизнь изучению этого вопроса, непременно докажет истинность его слов. Египет и наука египтология пока далеки от нас. Но сам народный писатель Татарстана Нурихан Фаттах позже написал две интереснейшие книги, близкие к этой теме: «Язык богов и фараонов» и «Шәжәрә» («Родословная»), и частично доказал свои предсказания, прочтя древние тексты тех далёких времен.

Помнится, что и покойный писатель, окончивший в середине 1950-х Востоковедческое отделение

Московского университета, Шамиль Махмудов-Анак вёл исследования в этой области древней тюркологии. Он считал, что древнетюркское население занимало и часть северо-восточных окраин Средиземного моря. Всем известно, что эта зона в древности тоже входила в круг общения с древними египтянами.

Остановлюсь на взглядах Ш.Махмудова-Анака. В годы его учебы в учебниках ещё писали, что организатором похода против Московского князя Дмитрия, прозванного позднее Донским, был князь «Великой Рязанской земли Олег». Младшего как по родословной, так и по возрасту Дмитрия, князя Московского, в Орде провозгласили «Великим князем Всея Руси». Значит, назначили его старшим над ними, собирающим дань со всех княжеств, начиная с Новгородского, Рязанского, Тверского и др. С таким решением не был согласен сосед московичей — князь Тверской земли Михаил, годом раньше чудом сбежавший из московского плена. Уговорили они присоединиться к ним и полководца Крымского улуса Золотой Орды Мамай, прадеда будущего воинственно Московского царя Ивана Грозного по линии матери. У Олега с Мамаем и раньше были неплохие соседские отношения. Родная сестра тверского князя Михаила была замужем за Великим Литовским князем. И уговорил направить на подмогу Олегу с Мамаем ещё и литовца Витовта с войском. Но Витовт почему-то опоздал на это «мировое» событие. В учебниках 1940-50-х гг. о той Куликовской битве так и писали: разошлись с миром. И в капитальном историческом труде Н.М. Карамзина «История государства Российского» эти несогласия и войны между князьями того периода описаны в таком же порядке. Но в те годы, когда мы эту войну обсуждали, труды историка Карамзина не всем

были доступны. Их начали переиздавать только после событий 1990-х.

Ш. Махмудов-Анак, как и некоторые его сокурсники тех лет, придерживался такого же мнения, что часть северного побережья Средиземноморья в ранние века была освоена частично тюркоязычным населением. И в 1960-е годы в одном из номеров журнала «Техника молодёжи» также была напечатана статья, кажется, венгерского тюрколога, с картой, указавшей аборигенное тюркское население этих же местностей. Осенью 1971 года в подмосковном писательском доме творчества Переделкино Шамиль привёл меня на одно заседание, которое проводили его одноклассники и единомышленники. Там речь шла в основном о том, что до завоевания греками на Балканском полуострове жило и тюркское население. Ближние анклавы Афин и других крупных городов в основном были тюркоязычными. И названия живших там ранее отдельных племён можно уточнить только на основе древнетюркских наречий.

Обсуждалось и то, что, возможно, и зародившееся ранее в Средней Азии религиозное сообщество зороастризма греки переняли у племён, проживавших на Балканском полуострове. Был разговор и о том, что имя бога Зевса, которому поклонялись греки, получено от частично измененного имени зороастрийского бога войны «Дию». И будто бы в более ранних записях имя греческого бога было сохранено и в вариантах «Деювс» или «Диювс» (Див в современных преданиях некоторых народов, в том числе татар, стал одним из злых персонажей, что соответствует логике религиозных понятий. Главные персонажи противостоящих религий всегда превращались их противниками во враждебные силы). ■

Продолжение следует

► Алина Иванова

Беседа с РАМИЛЕМ ГАЛИ: философия фотографии. Роль в истории.

Рамиль Гали является членом Союза фотохудожников России и Союза журналистов России. Начиная карьеру в 1986 году в газетах «Вечерняя Казань» и «Молодёжь Татарстана». Работал в Москве и Нью-Йорке. Автор фотографий именитых светских людей и политиков. Ему слово.

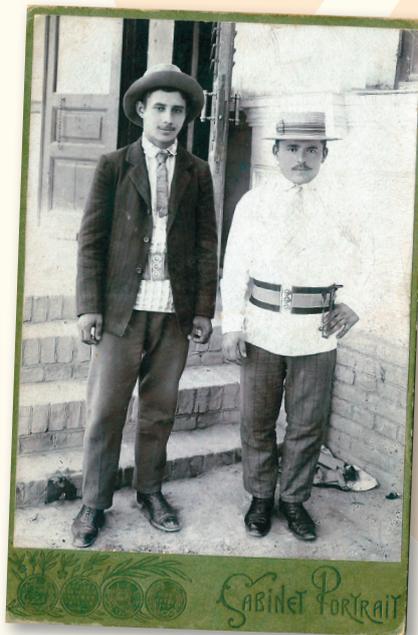

Фотография – это творчество. Через неё фотографы общаются со зрителем. Через неё несут определенную мысль. Это своего рода рассказ.

Например, наскальный рисунок является изображением первой письменности. Это символическая история об охоте. Даже на фресках XVI века в Свияжске изображены библейские рассказы для людей, не умеющих ни читать, ни писать. Именно так человек более достоверно и быстро воспринимает

информацию. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

С изобретением фотоаппарата ситуация кардинально изменилась для художников, но не для позирующих моделей, сидевших часами неподвижно. После проявления пластины получали фотографии самого лучшего качества, ведь в то время были химические процессы с дорогим металлом. Цифровая фотография отстаёт по качеству от XVIII века. Зато сегодня не надо проявлять негативы и распечатывать фото, чтобы увидеть изображение. Но на самом деле, большого прорыва в фотоделе нет, потому что на обработку фото сейчас тратится такое же время.

Справа: дед Рамиля Гали Гамил Сибгатович Бикцентаев

Справа: бабушка Сафра Валиулловна Бикцентаева

Фото из архива Рамиля Гали

В XIX веке фотоделом по-прежнему занимались художники, поэтому у тех фотографий была хорошая композиция и правильный свет. Так как сниматься могли себе позволить только богатые люди, то и культура фотоискусства была намного выше, чем сегодня. Работы мастеров были именными, на фотографии клеились медали, ставились оттиски фотографа и адрес производства, негативы хранились ещё долгое время.

В XX веке с приходом Великой Октябрьской революции история потеряла большой убыток, потому что нет фотоматериала о Белой армии, есть только о Красной, которая заходила в Казань. Это был первый этап уничтожения фотографии. Потому что богатые люди фотографировались с другими богатыми людьми, которые могли входить в белогвардейскую армию. Например, известный фотограф-химик Арнольд Бренинг был расстрелян из-за фотографии, где он с друзьями.

После революции было мало фотоаппаратов и фотографов. Какой-то

заезжий иностранец снимал базары в Казани. Хотя бы так мы смогли увидеть, как жили люди того времени. А фотографий татарской деревни вообще единицы. Фотокорреспонденты снимали только полевые сельскохозяйственные работы.

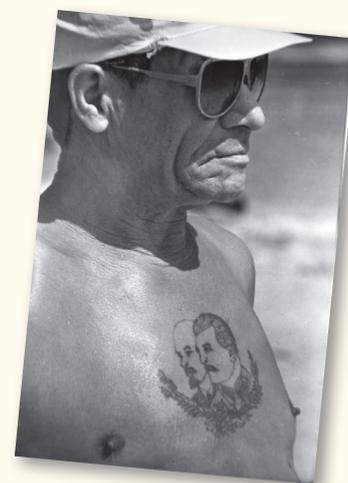
С Первой мировой войны у нас тоже нет фотографий. Лишь три года назад на выставке мы смогли увидеть нашу гвардию, наших офицеров, наших солдат. Вся эта коллекция фотографий принадлежит французам.

И только когда Владимир Ленин понял, что фотография и кино влияют на массовое сознание людей, начался их подъём. Стали выпускать фотоаппарат «ФЭД», который является копией «Leica II». Казанский оптико-механический завод (КОМЗ), начал производить объективы, фотоаппараты. Однако во время Второй мировой войны нашим фотокорреспондентам запретили запечатлеть ужасы войны. Были разрешены только снимки советских солдат-победителей. Сейчас мы хотим показать современному поколению

зверства фашистов, но не можем. То есть, с одной стороны, политики дали в руки фотоаппараты, а с другой, не дали возможность объективно показать войну – и опять у нас пробел в истории. Мы не можем рассказать своим детям документально, как на самом деле всё происходило.

После войны нам достались трофейные фотоаппараты. На такой «приз» один боец из Татарстана (фамилию сейчас не могу вспомнить) снял, как его сослуживцы-односельчане вошли в Берлин. Благодаря тому, что он быстро овладел в военных условиях навыками фотографии, мы смогли прикоснуться к истории.

После Великой Отечественной войны фотография эволюционировала. С появлением фотоаппарата «Любитель» начинается активное любительское движение. Люди стали фотографировать себя и своих детей, празднование юбилеев, свадеб... Так по крупицам собирается семейный архив, а дети эти фотоальбомы безжалостно выбрасывают.

А зря. Помните, избавившись от старой фотографии, вы распрощались с деньгами. Если сохраните, то в дальнейшем вас ждёт денежное вознаграждение от музея или коллекционера. Это не автомобиль, который завтра подешевеет, а фотография, которая завтра подорожает. Сейчас одна фотография, сделанная на пластине, в Москве стоит 10 000 рублей.

Потом появилась серия фотографий «Kodak», «мыльницы» – компактные фотоаппараты для любителей. Это был ещё более опасный период, потому что данные фото сделаны на дешёвых красителях, где нет металла. Они за полгода на солнце выгорают. И целое поколение может остаться без фотографий своего детства.

Следующий период – цифра. Она легкодоступна. Но чем опасна

цифровая фотография? В современном мире электронные носители меняются с невероятной скоростью. Вспомните катушечные магнитофоны или видео на плёнках. Они пылятся на полках. А прочесть информацию как? Если ещё в бумажном варианте мы фотографии видим, то в электронном – нет.

И ещё хочу добавить, что мы живём в исламской республике. А ислам против фотографий. Почему? На самом деле, это пережиток. Когда я начинал фотографический путь, было необходимо благословение имама для того, чтобы снимать на территории мечети. Сейчас же имамы сами пользуются фотоизображениями. Христианство учит, что Бог создал человека по образу и подобию. У них святой лик изображен на иконах. Коран говорит, что Бог

присутствует везде и во всём. Поэтому лик его не обезличен. Но ислам не отрицает изображение, ведь тогда пришлось бы отрицать нашу жизнь. Ведь весь мир – это изображение. Мы сами видим друг друга как изображение. Но не все мусульмане это пока понимают. Нужны духовные лидеры, которые смогли бы это правильно объяснить и направить в нужное русло. Татарстан многое потерял из-за этого. Мы должны дорожить своим изображением, своей историей! Нам нужен фотографический музей, где мы соберём свои архивы в единое целое, что поможет при создании исторических книг и учебников. Коллекции многих фотографов не сохранились из-за отсутствия специального музея. А это были эксклюзивные вещи – портреты великих людей нашего времени,

например Ильхама Шакирова и Альфии Афзаловой, изображения «табеевских» времён, дефицитной талонной системы... Ах, если бы раньше поняли, что останемся без истории! Все отмахиваются от фотографии и не считают её чем-то важным. Отмахиваются от фотографа, который хочет запечатлеть. Сейчас в телефоне есть камера, раз – и сфотографировал. А завтра этого дома уже нет, деревня опустела, техника поменялась, речка обмелела, дядя Петя умер, а сын его вырос... Поймите, что история одной семьи интересна и другим людям. Любопытно, какие платья и обувь носили, что ели и из какой посуды, как танцевали, с кем встречались... Можно прочитать книги, мысленно представив, что к чему. Но только фото, только фото даёт точную и правдивую картину... 📷

► Рустам Имамoв

МАКСИМ ЧЕГРИНЦЕВ:

«Америка – страна возможностей и приключений»

Максим Чегринцев – игрок хоккейного клуба «Райалролд Долг» из США. Максим – коренной казанец, начинал заниматься хоккеем у нас в городе, но затем решил попробовать себя за океаном. Путь его в США был непростым. Об особенностях жизни в Америке, культурном шоке и о хоккее США за пределами столиц и хоккейных арен НХЛ – в материале журнала «Идель».

– Тебе было 18 лет, ты только закончил школу. Как вообще ты в таком юном возрасте решил поехать покорять США?

– Когда мне исполнилось 18, наступил новый этап жизни. Серьезно пришлось задуматься о своем будущем. Об образовании, жизни в целом, карьере. Решать: хоккей – это увлечение либо же работа на всю жизнь. В России не все складывалось сразу, как я хотел, поэтому решил поехать в Америку, получил приглашение, рискнул. Начал с юниорской лиги, потом стал пробоваться в лагерях более серьезных команд. В Америке же целая хоккейная система, пирамида, с четким принципом роста, перехода на более серьезный уровень. И привыкнув к жизни в Америке, американскому хоккею, назад уже и не хочется, как правило.

Фото из архива Максима Чегринцева

– Родители не были против?

– Родители не хотели отпускать, боялись. Долго их уговаривал. Пытался объяснить, что это моя мечта – побывать в Америке и мой шанс стать кем-то в хоккее. Сказал, что уже взрослый, могу сам решать, что мне делать. Я был так счастлив, получив приглашение из Америки, мне тогда казалось, что это чуть ли не прямая дорога в НХЛ. Только потом я понял, что все куда сложнее. Но родителям про трудности старался не говорить. Не хотел, чтобы они переживали.

– А много было проблем? Бытовых, хоккейных?

– Много было бытовых проблем, в частности с языком. Самое сложное – это первые 2 месяца в Америке. Стало легче, когда я попал в «хост-семью» – принимающую семью. Общаясь каждый день, я стал учить язык, так за неделю выучил более чем 1000 слов. Начал ходить на курсы языка, учиться строить речь, предложения. Так за полгода я выучил куда больше, чем за 11 лет школы. Сейчас, прожив почти 5 лет в США, я говорю спокойно – это уже приходит с практикой, опытом. Для себя я понял, что учить язык лучше всего, попадая в языковую среду.

– Что больше всего удивило в США?

– Америка – невероятная страна, она совсем не похожа на Россию. Сразу и не скажешь, что именно поразило. Думаю, подход к делу. Прагматичность, работоспособность, ответственность – все должно работать как следует и приносить доход. Это главное правило Америки. И у каждого должна быть возможность зарабатывать, а уровень дохода должен зависеть только от квалификации и трудоемкости заданий. Этому принципу в США следуют везде, в том числе и в хоккее. Возможно, в этом и есть секрет их успеха.

– С какими сложностями, помимо языка, пришлось столкнуться?

– Жизнь в Америке не простая. Многие думают, что мы, хоккеисты, ездим на лимузинах, шикуют, при этом ничего не делаем. Это совсем не так. Во-первых, большие доходы только у небольшой группы элитных хоккеистов, играющих в НХЛ или КХЛ, некоторых лигах Европы. Во-вторых, хоккей – это очень тяжелый, выматывающий вид спорта.

– Я трудолюбивый, всегда приходил на тренировки первым, последним уходил. Трудом меня не испугать. Поэтому тренеры мною обычно были довольны.

Играя в низших лигах Америки, порой нужно быть готовым ко всему. Команду могут расформировать, не заплатив. Возможны травмы, проблемы со здоровьем, срочные дела на Родине. И это лишь часть возможных проблем. Прошел через все – и платил сам за игры, форму, тренировки, и подрабатывал по ночам, чтобы днем играть в хоккей, жил впроголодь, но и неплохо жить получалось. Сейчас все нормализовалось, но если хочешь достичь успеха в американском хоккее, а ты не так известен, у тебя нет суперталанта, связей, агентов, то нужно быть готовым пройти тернистый путь без никаких гарантий успеха. Единственное, если ты подписал официальный контракт и клуб не обанкротился, то деньги ты получишь, с этим в США строго. Еще и моральную компенсацию дадут. Но нервов потратишь немало. Но чаще всего контрактов как таковых у нас нет, платят из-под полы – «кешем». Все из-за огромных налоговых ставок.

– В России принято считать низшие лиги США – раем для хоккейных «разбойников» и кладбищем талантов. Подтвердишь эту мысль?

– Многие предрассудки о низших лигах Америки всего лишь предрассудки. Но есть и доля истины в них, встречал в разных лигах «команды-убийцы». Владельцы этих клубов не хотят тратить деньги на хороших хоккеистов, но хотят получить внимание публики, СМИ, болельщиков – это же прибыль. И они делают

ставку на шоу, драки, скандалы. Больше всего таких команд на севере США – в штатах Нью-Йорк, Мичиган, Чикаго. Порой там игры начинаются с драк команда на команду уже через пару мгновений после стартового свистка. Я же таких команд сторонюсь, я хочу играть в хоккей, развиваться. Наш клуб «Райалролд Догс» сотрудничает с клубами АХЛ и НХЛ, поэтому если я буду хорошо себя показывать, то смогу сыграть и в главных заокеанских лигах. У нас были парни, которые по ходу сезона переходили в «Манитобу» и «Эдмонтон Ойлерз».

– Александр Бурмистров, еще один наш земляк, покоряющий Америку, много ужасов рассказывал о Манитобе и Ньюфаунде. Что это – ледовая пустыня, где небольшой городок в три улицы, арена и ничего больше. Тебе точно хочется там играть?

– Таких команд и городов в США, а тем более в Канаде очень много. Классический «таун». Да, кроме хоккея, ничем там не займешься, но зато ничего не отвлекает от дела. И главное – в таких городах клуб будет очень популярен. Альтернатив ведь хоккею по вечерам нет никаких. Сейчас я играю в Райалролде, штат Вирджиния. Город примерно как Набережные Челны, тысяч 700 живет. Арена у нас на 9 тысяч, тысяч 5-6 зрителей приходит на каждую игру, на важные матчи плей-офф билетов и не достать. Поэтому мне нравится жизнь в таких моногородах, она умиротворяет.

– Знаю, что в США в хоккейных лигах очень много игр, чтобы клуб больше зарабатывал на билетах и трансляциях. Но если в НХЛ усталость компенсируется условиями и доходами, то, путешествуя

по хостелам и на автобусах, испытываешь трудности. Организм справляется?

– График непростой. За сезон с плей-офф может набраться до 100 матчей за 6-7 месяцев. Играем без перерывов, практически порой играем матчи через день, либо 2 матча за 3 дня, 2 игры подряд. Меня, правда, иногда щадят, ставят не на все игры, дают отдохнуть. Но я сам рвусь в бой, уж слишком сильно люблю хоккей, не могу стоять в стороне.

– А как же тренировочный процесс, на него вообще есть время? Многие говорят, что в США и Канаде только играют, а в России же только тренируются. При этом россиян считают за океаном лентяями. Как оценивали твою физическую форму?

– Я трудолюбивый, всегда приходил на тренировки первым, последним уходил. Трудом меня не испугать. Поэтому тренеры мною обычно были довольны. Вообще, в Америке больше свободы. Там никто не следит за ходом сборов, тренировок, твоей работой, а просто смотрят на результат. Если ты держишь себя в форме – ты играешь, если нет – сидишь на скамейке. Пропустил пару игр – отправился в фарм. Не заиграл и там – контракт разрывают. Все просто и эффективно. Нужно понимать, что большой спорт – это тяжелый труд, работа, а хоккей – бизнес. К примеру, у нас бывают внеплановые тренировки. На них мы работаем вне графика, они добровольные. Но очень редко бывает, что кто-то их пропускает, разве что и правда есть объективные причины.

– В большом спорте очень важна поддержка близких. Тяжело жить вдалеке от семьи?

– Очень переживаю, что родителей нет рядом. Есть мечта – показать

им Америку, сводить на игры нашего клуба. Очень хочется, чтобы они могли порадоваться за меня, увидели, как я живу, играю, чтобы они могли мною гордиться. Не так давно владелец нашей команды сделал особые выходные «Отец и сын». Он оплатил проживание и перелет родителям молодых игроков, а также автобусы на выездные игры. Родители смогли увидеть, как мы разминаемся, играем, мы же чувствовали особую ответственность, поддержку. Хозяин клуба так и сказал: «Не думаю, что сегодня вы нуждаетесь в особом настрое, напутственных словах. Просто знайте, что там, на трибунах, сидят ваши родители. Все, чего вы добились, все ваши успехи – это их труды. Не подведите их». Естественно, ту выездную серию мы прошли без поражений. Вообще всегда стоит помнить, что хоккей хоккеем, а самое главное в жизни – это семья. В детстве тренеры нам говорили, что если учеба мешает хоккею, то надо бросить хоккей. Семья – это опора, фундамент жизни. Я очень ценю своих родителей и безмерно благодарен им за подаренную возможность заниматься любимым делом. Очень надеюсь, что смогу стать не менее хорошим отцом.

– А часто у команды выездные серии? Как относишься к гостевым играм, любишь путешествия?

– Выезды – это возможность посмотреть страну, поэтому я люблю выездные игры. Чтобы сэкономить бюджет, мы едем турами по регионам. 2 недели во Флориде, затем неделя – полторы в Калифорнии, затем Миннесота. Интереснее, конечно же, путешествовать по югу. Особенно когда сразу несколько игр проходит, обычно между матчами нам дают отдохнуть. Это отличное время! Пожалуй, самое яркое воспоминание об

Америке – это и есть океан. Когда нам дали выходной, мы всей командой поехали на пляж. Песок, отель и море, бесконечное море... Просыпаться утром, а за окном океан! Еще, если быть совсем откровенным, иногда с командой ходим в бар, казино. Тренер негласно сам одобряет такие походы, говорит, что они расслабляют, а коллектив спланивают.

– Расскажи побольше о себе. Как вообще попал в этот вид спорта и почему до сих пор им занимаешься?

– Всего я хоккеем занимаюсь около 17 лет. Сначала папа хотел отдать меня в баскетбол, он сам был баскетболистом. Секции по баскетболу и хоккею были рядом, когда отец пошел записывать меня на секцию, тренеры посоветовали попробовать хоккей, сказали у меня для хоккея есть все физические данные. И за столько лет ни я, ни родители о том выборе не пожалели ни разу.

– В интернете противоречивая информация. По некоторым данным, ты воспитанник «Ак Барса», по другим – «Ак Буре», третьи данные вообще говорят о «Нефтехимике». Кому верить?

– Вообще, я воспитанник школы «Ак Буре», играл под началом тренера Валиахметова. Много турниров с ним прошли, на какой-то период я из команды уходил, пробовался в «Ак Барсе», но затем решил вернуться. В Татарстане нормальная ситуация, когда игроки переходят из одного нашего клуба в другой и обратно. Но выше всех все равно «Ак Барс».

– Также нет точной информации о дате рождения, источники расходятся. Никогда не жульничал с возрастом либо же не встречал «перегретых» (с измененным в меньшую сторону возрастом) хоккеистов на своем пути?

– «Перегретые» игроки в хоккее – норма, к большому сожалению, но ведь это самообман. Ты раскроешься на своем пике, покажешь себя, но рано или поздно все раскроется, и путь в большой хоккей будет заказан, назад все повернуть будет весьма непросто. Хотя часто обвинения в поддельном возрасте беспочвенны. В Америке вообще многие думают, что почти все русские с липовыми документами, и проверяют нас по нескольку раз. Мне как-то и вовсе сказали, что мой медицинский возраст – 28 лет. И докажи потом, что это неправда!

– Ты считался талантливым перспективным, но «барсы» тебя упустили. В чем причина, не подходил под систему?

– У нас в Казани, если быть честным, своих игроков никогда не ценили. Взять, к примеру, поколение 90-х. У нас сразу несколько команд становилось чемпионами России. Но сколько из них заиграло в «Ак Барсе»? По пальцам одной руки же можно сосчитать. А сколько уехало ребят, и они нашли себя в других клубах. Хафизуллина можно вспомнить,

например. Бурмистров здесь своим так и не стал. Мы же все вместе росли, учились, в школу вместе ходили, на сборы, тренировки. У нас был отдельный спортивный класс в 1-ой школе казанской. Естественно, с особым расписанием, составленным с учетом тренировок и соревнований. Но и учиться успевали, об уроках не забывали. Нам очень повезло, кстати, с классным руководителем. Она любила хоккей, всегда следила за нашими успехами, по возможности и на игры ходила, но всегда напоминала об учебе. Вообще о тех временах можно долго вспоминать, столько историй было веселых. Но все рассказывать, разумеется, я не могу. Скажу только, что была определенного рода дедовщина. К нам, малышам, старшие относились иногда с некоторым пренебрежением. Но для парней это обычная, думаю, практика.

– А какое воспоминание из детства самое приятно либо же веселое?

– Самое веселое воспоминание детства – это спортивные лагеря. Летом, когда сезон завершался, мы уезжали на месяц – полтора в загородные лагеря. Условия там были не всегда простые, дисциплина была строгой, но все равно было очень интересно.

– Ты центральный нападающий. В разных странах роль этого амплуа понимают иначе. У нас «центр» – разыгрывающий, нацелен на оборону, в Америке – связующий между атакой и обороной, а в Канаде центр – это острие копья атаки. Как ты видишь свою роль на хоккейной площадке?

– Я с детства много забиваю, у меня есть чувство гола, поэтому я всегда нацелен на атаку, завершение, голы. Несколько раз я был

первым по голам во всей лиге, где выступал на тот момент. Но в Америке меня научили обороняться. Раньше я просто считал, что это не мое. У меня не получалось хорошо действовать в обороне, поэтому я и не возвращался назад. Но за океаном так нельзя. Там очень важна взаимозаменяемость и работа всей пятерки. Также меня научили работать на вбрасываниях. Вбрасывания – один из ключевых элементов современного хоккея. От вбрасывания зависит, кто будет владеть шайбой ближайшие секунд 20-30, а то и больше, следовательно, у них будет инициатива. А значит, и шанс забить гол.

– К россиянам часто относятся настороженно, если не с пренебрежением. Как приходилось привыкать к команде, тренерскому штабу и партнерам тебе?

– Было непросто, ведь я был единственным иностранцем в команде, остальные ребята только из США и Канады. Был один украинец, но он живет в США уже больше 5 лет и подает на гражданство. У меня же первые проблемы начались еще в аэропорту, к россиянам внимание пристальное. А ведь я еще и английского практически не знал! Кое-как объяснились, я пообещал, что посвящу первый гол в Америке пограничнику, и он меня пустил, несмотря на некие сложности с визой. Конечно же, обещание я сдержал, отправил шайбу и записал видеопослание. Спасибо нашей пресс-службе, быстро все организовали.

– Неужели у полулюбительского хоккейного клуба в небольшом городке есть своя пресс-служба? Для чего?

– Еще раз повторю, в США хоккей – это бизнес-система. Мы постоянно работаем на свой имидж, через

радио, ТВ и газеты рассказываем о себе, расширяем аудиторию. Ведь без аудитории мы просто будем никому не нужны, команда не будет окупаться, не будут продавать атрибутику, ТВ-трансляции, билеты на игры. И значит, команда будет расформирована. В России же играют не для массы, не для того, чтобы заработать на хоккее, а чтобы отмыть через хоккей деньги. Бывают, конечно, и в США плохие примеры, но это редкость, чтобы в Америке клубы были убыточными или на госбалансе. У них хоккей для масс, у нас для элиты, игра миллионеров. Поэтому акции в школах, больницах, детских садах, на улицах очень важны. Нас не заставляют в них участвовать, но отказы не приветствуются. Если говорить именно о нашем клубе, то прибыль у владельца хорошая, команда довольно богата. Поэтому и арена у нас в хорошем состоянии, хорошая экипировка, неплохие

зарплаты. При этом для хозяина клуба бизнес важен, но он любит и саму игру. Старается смотреть игры, сам на лед иногда выходит, следит за результатами. У него есть два сына – играют в системе «Каролины Харрикейнз».

– Познакомившись с системой спорта в США, ты можешь определить, какой теперь хоккей, образ жизни тебе ближе – наш или заокеанский? И что скажешь про связь спорта с университетами, так популярную в Америке (молодежные команды выступают от имени колледжа, университета, игроки выступают практически бесплатно, но при этом получают диплом ВУЗа)?

– Прошло много времени, теперь я хорошо узнал американский хоккей. Стал лучше понимать, где будет легче и лучше развиваться. Понял, что нужно не забывать и об образовании, поэтому для меня клубы при

колледжах и университетах, система студенческих лиг Америки – благо. Ведь, играя в университетских командах, помимо хоккея, можно получить и диплом. А диплом высшего учебного заведения США котируется очень высоко во всех странах. В России в том числе. Это такая «подушка безопасности» в случае ухода из хоккея. Да и в любом случае – век спортсмена короткий.

– А ты серьезно хочешь получить образование вне сферы спорта?

– Конечно, хочется добиться успеха и в хоккее, тем более мои родители вложили много сил и средств в меня, и сам я много лет тренировался. Но нужно быть реалистом, не всегда все выходит так, как мы того хотим. Да и не обязательно уходить из сферы спорта. Спорт большой, игроки – это верхушка айсберга большого спорта. Ведь хоккей – это вся моя жизнь, без него совсем мне будет тяжело. Я всегда интересуюсь хоккеем, читаю про хоккей, смотрю, играю. Недавно начал и тренировать. Дома брат пошел в академию хоккея «Ак Барса». Он вратарь – мы часто с ним играем в буллиты. Пытаюсь ему показать, как нужно отражать броски, ставлю технику. Вообще с братом очень крепкие связи, он очень переживал, к примеру, когда мне пришлось уезжать в Америку снова.

– Как ты охарактеризуешь американский хоккей? У нас ведь до сих пор жив стереотип о принципе «бей-беги», придуманный в 80-е...

– Думаю, Россия узнала о североамериканском хоккее благодаря работе здесь Майка Кинэна и Дейва Кинга – очень уважаемых за океаном тренеров. Думаю, хоккей, что показывал «Локомотив» и «Металлург Магнитогорск» при них, – апогей американского хоккея. Главное

плотно и строго сыграть в средней зоне, в атаку идти чаще через вброс. Обороняться аккуратно, опекая соперника – каждый с каждым, по позиции. При этом важна и взаимозаменяемость: защитник должен уметь обращаться с шайбой на завершении атак, а крайний нападающий должен уметь играть и в своей зоне. Поэтому в США и Канаде принято голосом обозначать свои действия партнеру. Там все общаются друг с другом, играют именно что «командно». Сначала не мог привыкнуть к этому, а теперь понял, что так куда проще.

– За играми НХЛ следишь, есть возможность ходить на большой хоккей?

– Очень люблю смотреть матчи НХЛ, благо есть возможность. У меня друг – хоккейный агент, бывший профессиональный игрок НФЛ (американский футбол). Мы с ним очень давно дружим, почти с первых месяцев жизни в Америке, он мне уже как брат, отец его меня сыном считает. Так вот мой друг знает лично половину лиги, благодаря ему, я могу ходить на матчи Вашингтона, на ВИП-места. Были в раздевалке команды, фотографировались со всеми. Поэтому болею за Вашингтон в НХЛ, а также болею за Даллас, потому что живу в Техасе.

– Чем увлекаешься, помимо спорта, какое кино смотришь, что слушаешь, читаешь?

– Кино, музыку люблю разного жанра, региона. Зависит от настроения. Порой и русские фильмы смотрю, иногда Голливуд. Нужно смотреть на мир с разных точек зрения, чтобы складывалась более менее целостная картина. А классное кино снимают не только в США. Например, я иногда смотрю

казахстанское кино. Да, оно мало-бюджетное, но при этом искреннее, жизненное. Там истории о том, что тревожит простых людей, и мораль фильмов ясна и понятна, они имеют социальное значение.

– У всех есть цель и есть мечта. О чем мечтает Максим Чегринцев?

– Мечта проста, очевидна для любого хоккеиста. Играть в лучшей лиге мира – НХЛ и выступать за сборную России, отдать должное стране, что меня вырастила. Теперь сборная и НХЛ порой несовместимы – игроки НХЛ не едут на Олимпиаду, часто пропускают чемпионаты мира. Поэтому отношение к НХЛ теперь у многих двоякое. Но для меня все равно Кубок Стенли будет выше всего. Да, если не получится в Америке, можно попробовать себя и в НХЛ, особенно в «Ак Барсе» в Казани, либо в «Нефтехимике» – другом нашем клубе. КХЛ – неплохая лига, со своими звездами, лидерами, атмосферой, при этом с НХЛ ей тягаться все равно пока тяжело. Все-таки НХЛ развивается больше 100 лет, а КХЛ нет еще и 10. Все у нас еще впереди.

– Что бы ты хотел пожелать молодым ребятам, занимающимся хоккеем у нас в республике?

– Главное, хочу пожелать молодым ребятам ничего не бояться и идти вперед, без глупостей, естественно, не забывая об учебе. Ведь в хоккее самое главное – это стабильность. Никогда нельзя прекращать движение, останавливаться. Это старт деградации. Нужно идти вперед, несмотря ни на что. Будет нелегко, но сильные и не ищут легких путей. Главное – уметь правильно воспринимать ошибки, не заикливаться на них, а делать верные выводы, работать над собой. А каждая новая игра – это чистый лист. ■

► Марат Шакирзянов

«КУДЕСНИЦА НЕМЕРКНУЩИХ ПОБЕД, ПОСЛУШНИЦА НЕУЛОВИМЫХ ГРАЦИЙ»

Солистка татарского балета Айсылу Мирхафизхан выросла в театральной семье, всегда много читала, отличалась артистизмом и музыкальностью. В 11 лет ее отдали в Казанское хореографическое училище, после окончания которого в 2011 году она была приглашена в прославленную труппу ТГАТОиБ им. М. Джалиля. Здесь она оттачивала свое мастерство в кордебалете, постепенно став второй солисткой, создавала образы, отмеченные изяществом, юмором, лирическим драматизмом.

Танцовщица – ученица народных артистов РТ И. Хакимовой, В. Бортыкова, Л. Мухаметгалеевой и С.Хантимировой. Каждый из этих мастеров внес огромный вклад в творческое воспитание будущей артистки. До сих пор Айсылу прислушивается к мнению своих педагогов. А «балетная мама», как в шутку и любя называет Айсылу Санию Хантимирову, ее самый строгий критик.

– Айсылу, выбор в пользу балета в твоей жизни – случайность или закономерность?

– В детстве мне нравились многие профессии, хотелось быть то поваром, то ветеринаром, то учительницей, то врачом. Я ходила в многочисленные кружки, музыкальную школу, пела, танцевала, везде успевала, была отличницей и маминной гордостью. Моя

мама – профессиональная драматическая актриса, она прекрасно понимала, что необходимо творчески развиваться во всех направлениях. Я ходила заниматься хореографией в детскую студию ансамбля «Казань», осваивала и классику, и народные танцы, овладела степом. Где-то в 6 классе стала уставать от столь плотного графика... Однажды я пришла домой заплаканная и заявила маме, что бросаю школу. Был конец сентября, и мама позвонила в хореографическое училище, чтобы мои данные посмотрели опытные педагоги. Повезло: меня пригласила на просмотр сама Нинель Юлтыева, тогда художественный руководитель хореографического училища. Я была принята и зачислена в 1/5 класс. Мне было 11 лет, и педагоги спросили: «А вдруг не сможешь учиться?» Я твердо знала, что у меня все получится.

– За что ты благодарна профессии?

– Наша профессия удивительна тем, что в ней ежедневно можно бесконечно совершенствоваться и видеть свой результат. Танцовщик должен каждый день становиться чуточку лучше. Как писал Льюис Кэрролл, нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте. А чтобы куда-то попасть, нужно бежать еще быстрее. Чтобы чего-то добиться в хореографии, нужно работать сверх своих возможностей, прикладывать огромные усилия, воспитывать волю и характер. Балерины очень выносливые. Я благодарна своей профессии за то, что она постоянно заставляет двигаться вперед. Приятным бонусом, если сюда можно применить этот термин, для актера всегда является уникальная возможность проживать на сцене несколько жизней: сегодня

Фото из архива Айсылу Мирхафизхан

ты – цыганка, завтра – мать Джульетты, послезавтра – злая фея или сама Джульетта и т.д. Это сложно, но интересно. Перевоплощение – потрясающая вещь!

– Что в работе самое сложное?

– Специфика состоит в том, что здесь всегда есть место критике и аналитике. Сложно все делать заново, с «чистого листа», как говорится, преодолевая боль и усталость, потому что здесь все условно и зыбко. Если сегодня что-то не получилось, необходимо постоянно это делать заново через силу, через «не могу больше». Почти все балерины – самоеды, стремятся к идеалу, плачут, если что-то не получается, но снова выходят на сцену и дарят зрителю волшебство танца. Сложно постоянно работать над собой и верить в себя, но это вечная тема....

– Максимилиан Волошин однажды сказал, что танец – это такой же экстаз тела, как молитва –

экстаз души. Ты согласна?

– Танец – это действительно молитва, в нем есть что-то сакральное. Чтобы прийти к такому пониманию, артисту необходимо совершенствовать тело, изучить его возможности. Это следующий уровень сознания. Это полная свобода в танце, когда не думаешь о лишнем и просто живешь на сцене в единении с музыкой. Это, конечно, высшее мастерство. К этому я стремлюсь.

– Эффективность результата зависит от работоспособности?

– Безусловно! Можно добиться всего, если иметь желание, упорство и систематический подход к делу. Необходимо ежедневно работать над собой. Пропустишь пару дней, обленишься – результат тут же сказывается в работе.

– У артистов балета есть профессиональные секреты? В чем ваш?

По-моему, в этом мире секретов уже не осталось (смеется),

всем все известно. Нужно просто действовать.

– В чем больше всего нуждается артист балета?

– Ему всегда нужно танцевать. Жду гастролей, потому что ежедневно испытываю адреналин, сцена лечит, сцена помогает, держит на плаву. Всегда есть ощущение нужности зрителю. Когда много танцуешь, приходит вдохновение, легкость, экстаз, упоение, радость.

– У вашего сердца и души есть привилегии в музыке?

– Обожаю Шопена. Проверенная годами классика очень близка моему сердцу.

– Вдохновение – это божественное проявление?

– Вдохновение дает крылья. Это, как говорят, «небесная искра в подарок» от Творца. Вдохновение приходит от музыки. Если слышать и слушать музыку, то можно найти правильную линию образа.

В голову приходят новые нюансы или нужное состояние именно от музыки. Музыка направляет, она же и вдохновляет. Нельзя упускать мгновение, когда приходит вдохновение. Обожаю танцевать под сильные произведения великих композиторов. Иногда, когда танцую, аж мурашки по коже.

– В балете есть конфликт мечты и действительности?

– Есть. Это когда ты мечтаешь о достижении совершенства, а в действительности тебе еще работать и работать. И чем больше достигаешь, тем больше нарастает этот конфликт.

– Расскажите о конкурсе, в котором вы принимали участие. Что он дал вам с профессиональной точки зрения?

– Я являюсь лауреатом Всероссийского конкурса артистов балета

Нельзя упускать мгновение, когда приходит вдохновение. Обожаю танцевать под сильные произведения великих композиторов. Иногда, когда танцую, аж мурашки по коже.

и хореографов в номинации «Характерный танец». Проходил конкурс в Москве под руководством легендарного Ю.Н. Григоровича. Получить медаль от столь компетентного жюри, в состав которого входили такие известные мастера российского и мирового балета, как В. Гордеев, А. Петухов, М. Леонова, Н. Цискаридзе и другие, для меня, конечно, огромная честь. Конкурс – это прежде всего длительная подготовка, а также расширение кругозора, свежее дыхание, возможность поучиться у коллег. А также новые знакомства и новые друзья. Это здорово.

– Путь балерины как путь самурая: дорога вечного воздержания. Вы срываетесь хотя бы раз?

– Если вы имеете в виду дисциплину, то я ей жестко подчиняюсь, не могу себе позволить грубость по отношению к старшим. Крайне

редко возражаю балетмейстерам или педагогам, стараюсь запомнить все замечания, внимательно изучаю партию, не упуская деталей. Балет в русском понимании и воспитании – это всегда ДИСЦИПЛИНА.

– Многие говорят: «Театр – это мое государство». Вы согласны?

Для меня театр – это очень личное, я считаю его не государством, а храмом, в котором все направлено на благо и служение красоте. Когда творишь на сцене, приближаешься к Создателю, а это приносит умиротворение и гармонию.

– Профессия балерины очень сложная. Не жалеете о выборе? Чем бы хотели заниматься в будущем?

– Я счастлива на сцене и никогда не жалела о выборе профессии. А что касается будущего, сейчас я стараюсь максимально впитывать

в себя все новые знания и навыки, которые будут являться фундаментом моей будущей профессии после завершения карьеры балерины. Мне интересны театр, драма, музыка, живопись, психология и многое другое. Я получаю удовольствие от процесса учебы и, наверно, всегда буду любознательной ученицей. ▀

